

**СОЛЕГ
САПФИР**
& Н.Р. ШУМАНСКИХ

ИДЕАЛЬНЫЙ
МИР ДЛЯ
КУЗНЕЦА

Н.Р Шуманских
Олег Сапфир
Идеальный мир для кузнеца

<https://litres.ru/74144879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Днём я — учитель истории. А по ночам — кузнец. И всё было прекрасно... Ровно до той самой пули на раскопках.

Очнулся в другом мире, в замке, полном гоблинов. А там ещё и призрак: назначил меня Хранителем и растворился. Ни еды, ни оружия, ни намёка, что делать дальше. Зато при мне — ум, руки и одна очень занятная способность...

Что ж. Настало время истории. Моей истории...

Держитесь, зелёные. Кажется, это идеальный мир для кузнеца!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	43
Глава 4	61
Глава 5	78
Глава 6	100
Глава 7	120
Глава 8	137
Г	155
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Н.Р Шуманских, Олег Сапфир Идеальный мир для кузнеца

Глава 1

Ну и жара.

В моём учительском кабинете как в бане, только веников не хватает. Сажу за столом и потихоньку тупею, слушая, как Кузнецов мямлит что-то про покушение на Александра Второго. Мямлит так вдохновенно, что у меня складывается ощущение — он и сам не понял, на кого покушались и зачем.

С задней парты раздаётся голос Гоши. Гоша — стажист девятого класса, второгодник и самый отчаянный человек в этой школе, не считая меня.

— Денис Евгеньевич, можно окно открыть? Задыхаемся уже в этой парилке.

— Так оно и так открыто. Куда больше-то?

— Так блин, давайте полностью распахнём! Дышать нечем!

— Ага, давай, Игорь. Распахнём, ты из него выпадешь, а

отвечать мне. Я себя под статью подводить не хочу. Ты бы лучше на мои вопросы так же напористо отвечал, как окно требуешь открыть.

Гоша затихает, но ненадолго. Гоша вообще никогда не затихает надолго — проверено.

Смотрю на Кузнецова у доски. Кузнецов смотрит на меня с выражением человека, которому пообещали расстрел, но пока раздумывают.

— Садись, Кузнецов. Три.

— А чё три-то? Я нормально ответил! Денис Евгеньевич, может четыре?

— Может и четыре. Но в другой раз. Садись, Кузнецов, садись.

Контингент у меня, конечно, не соскучишься. Все на учёте: кто на внутришкольном, кто в комиссии по делам несовершеннолетних. Причём не за мелкие грешки. Хотя парни в основном нормальные, просто тянет их на приключения с завидной регулярностью. А я пытаюсь вложить в их пытливые умы хоть каплю знаний и хоть немного занять чем-то полезным. Получается через раз.

— Денис Евгеньевич, — Гоша снова активизируется, — так если я не понимаю, что тут написано, как я отвечать-то буду?

— Что же тебе непонятно, Игорь? Какие тайны открыла тебе история?

— Ну вот, консерватизм — это чего такое?

Глаза у него при этом чистые, а взгляд наивный.

— Скажи мне, Игорь. Как твоя мама сохраняет овощи с огорода на зиму?

— Ну, в банки закатывает. А чё?

— А как называется то, что в банках хранится? Одним словом.

— Консервы.

— Ну вот. Консерватизм — это когда хотят что-то сохранить. В данном случае — старые порядки. Понял?

— Так-то да! Теперь понял. Спасибо, Денис Евгеньевич, вы умеете просто объяснить!

От дальнейших педагогических подвигов меня спасает звонок. Класс стартует на выход так, будто за дверью раздают бесплатный вай-фай.

«В армейке, кажется, попроще было, — думаю, возвращаясь к созерцанию оконного пейзажа, — спокойнее, что ли». Внутренний голос тут же возражает: «Не проще. Было по расписанию. Своей головой особо думать не приходилось. Квадратное — катать, круглое — носить». И ведь не поспоришь. Служба дала мне ровно то, что пригодилось в жизни: ответственность, дисциплину и привычку не спать на посту. Особенно помогает с трудными подростками.

В кармане вибрирует телефон. Макс. Мой единственный армейский друг и главный поставщик хаоса в мою размеренную жизнь.

— Дэнчик! Ты просто колдун! — орёт он вместо привет-

ствия. — Твои доспехи — это космос! Ты сенсей и гуру огня и металла!

— Макс, ты бы хоть поздоровался. Ты там с самим магистром ваших реконструкций схлестнулся?

— Лучше, Дэн, лучше! Мы как приехали, все сходу заценили твоё творчество. Михалыч чуть ножны свои не сгрыз от зависти. Опять начал разоряться, типа мне самые лучшие доспехи «кузнец» подогнал, ещё и за полцены. Даром что сам в твоих гоняет. В общем, реконструировали мы битву на Чудском озере.

— Макс. Сейчас май. Льда на озёрах нет.

— Да вообще не проблема! Нам и поле подошло. Ты дальше слушай. «Шведов» приехало больше, чем нас. Как биться начали, они даже вперёд попёрли. Ну думаю, всё, перепишем исторический момент. И тут понимаю — от моих доспехов все удары отлетают! Я даже почти не ощущал ничего. Ты как так отковал?

— Я, Макс, с бубном всю ночь вокруг них ходил. Ещё и травами окуривал.

Тут я, кстати, был не так уж далёк от истины. Разве что вместо бубна — кувалда, а вместо трав — новый сплав, который я три месяца подбирал.

— Вот я и говорю — от души! Рванул вперёд, думаю — паду за други своя! А тут их «свинья» распалась, наши с фланга ударили — и прорвали оборону!

В этот момент майское солнце выглядывает из-за кроны

сосны, пробивается в окно и светит прямо в глаз. Глаза слезятся, в носу свербит с такой силой, которую сдержать невозможно.

— ААААПЧХИ!

Стены вздрагивают. Макс, судя по звуку, роняет трубку.

— Вот это ты чихнул! Ты там в кузне в горн сам дуешь, вместо мехов? — появляется он через пару секунд.

— Ты сам-то забыл, как в походе осенью чихнул так, что аж костёр метров на пятнадцать разметало?

— Не было такого! — Макс ржал и плакал, судя по его голосу. — Просто чутка поленья отодвинулись. Так вот, слушай. Мы как восстановили историческую справедливость, одолели этих негодяев — ко мне их руководитель подошёл и про тебя спросил. Типа, работаешь ещё или нет? И про выезды тоже спрашивал.

Меня это очень заинтересовало:

— Как зовут-то его? Меня откуда знает?

— Не прибедняйся, — Макс до сих пор не мог успокоиться. — Тебя все, кто занимается исторической реконструкцией, знают. И не только в нашей области, несмотря на то что ты в таком захолустье живёшь.

— Давай не гони. Нормальный у меня городок, тихий и уютный. Я для того сюда и перебрался, чтобы больше времени уделять своему любимому делу. Так что не нагоняй, — заступился я за своё место жительства. — Давай к делу.

Макс ответил уже несколько обиженно:

— Так вот, мужика зовут Александр Александрович. Он занимается археологическими раскопками, а зная твою любовь к истории и как ты относишься к историческим артефактам, он хотел тебя позвать с ним на раскопки. Но я думаю, он с тобой ещё хочет мосты навести, чтобы ты ему подешевле доспех делал. Короче, я ему контакты твои оставил, он сказал, что свяжется с тобой. Всё, Дэнчик, побежал. Ещё раз огромное тебе спасибо. Давай, счастливо!

— Давай, Макс, до встречи, — я положил трубку.

Хм, интересно, что за Александр Александрович такой — предводитель «шведов»...

Решив поразмыслить над этим по дороге домой, я прихватил портфель и направился к выходу из школы. Учеников уже практически не осталось. По коридорам туда-сюда ходили только блюстители чистоты и порядка — Анна Петровна и Елизавета Николаевна. Про себя я их называл претендентками на царский престол. Чтобы не получить люлей за то, что прошёл по свежевывытому, я предпринял отвлекающий манёвр в виде комплимента:

— Анна Петровна, превосходно сегодня выглядите! Прямо расцвели, как цветы за окном.

Пока Анна Петровна улыбалась своим мыслям или моим словам, я произнёс:

— Всего хорошего, удачных выходных!

И вышел за дверь.

В такую погоду идти домой не хотелось. Лёгкий тёплый

ветерок трепал волосы на макушке, приятно охлаждая тело после душного кабинета, поэтому я решил пройтись до ма-стерской.

Примерно на половине пути меня из размышлений по поводу планов на выходные выдернул зазвонивший телефон. Номер был мне незнаком, поэтому, подумав, что звонят с какой-то рекламой, я приготовился писклявым голосом произнести стандартную фразу «а папы нет дома» и нажал на экран, чтобы ответить.

Приятный мужской баритон на том конце известил:

— Денис Евгеньевич, это Александр Александрович. Ваш номер мне дал Максим, ваш знакомый.

Я немного удивился, не ожидал, что он позвонит так быстро:

— Приветствую вас. Максим предупредил, что вы будете звонить. — Слушаю вас, Александр Александрович.

— Может, перейдём на «ты»? — прогудел телефон. — Так будет немного по-дружески.

Меня эта фраза поставила в неудобное положение, так как панибратства я не любил и переходить на «ты» с незнакомым человеком, пусть даже и старше меня, считал не совсем этичным. Но, подумав, что, возможно, слышу этого человека в первый и последний раз, решил не заморачиваться:

— Как будет угодно, я не против.

— Ну вот и отлично, — сказал Александр Александрович. — Можешь ко мне обращаться «Сан Саныч», чтобы язык не

заплетался. Давай я сразу к делу.

«Ну, — думаю, — сейчас сто процентов начнёт спрашивать про ковку доспехов и про цену, пытаюсь якобы по знакомству сбить ценник».

Но нет — Сан Саныч начал с другой темы:

— Я слышал, что ты не только профессионал в изготовлении доспехов и артефактов, но и очень любишь бывать на раскопках. Поэтому спрошу прямо: какие планы на выходные?

Я даже немного растерялся — такого резкого поворота не ожидал. Ответил через секунду, взвешивая каждое слово:

— Вообще планировал заняться заказом, — тут я немного лукавил, — но особо планов не было. Смотря что вы хотите предложить.

Сан Саныч обрадовался:

— Денис, я хочу тебе предложить съездить с нами на раскопки в Новгородскую область. Будем раскапывать стоянку на озере Ильмень — там как раз по периоду, когда новгородцы проложили путь через земли вепских племён к Белому морю.

Предложение было очень заманчивым. Тем более исторический период был чрезвычайно интересным для артефактов и находок — можно было внести большой вклад в сохранение исторического наследия.

— Плюс ко всему, расходы оплачиваются полностью: питание и проживание за счёт организаторов, — Сан Саныч

знал, чем привлечь учителя с небольшой заработной платой. — Ну что, согласен? Нам такой спец нужен, тем более у тебя такой опыт.

Раздумывал я недолго:

— Мне нужен вечер на сборы, и завтра с утра готов выдвигаться в путь.

— Ну и отлично! — Сан Саныч явно был доволен. — Тогда завтра за тобой придёт машина, повезём как высокорангового чинушу до ж/д вокзала. Всё, бывай здоров, до встречи на перроне!

И отключился.

Быстрым шагом меняю маршрут и лечу домой. Есть в маленьком городке один минус — специализированные магазины закрываются рано. Но, перетряхнув снаряжение, убеждаюсь: всё на месте. Запас карман не тянет, и в моём случае — не врёт. Укладываю рюкзак и ложусь спать пораньше.

Утро, как водится, начинается с того, что я не слышу будильник. Вскакиваю как ошпаренный, ставлю чайник, хватаю зубную щётку. По запарке вместо корма выдавливаю в аквариум зубную пасту.

— Едрить-колотить!

Вылавливаю пасту руками, рыбки смотрят на меня с выражением «ну и кто тут животное». Приходит нехорошее предчувствие, но я человек реалистичных взглядов — гоню его и продолжаю сборы.

Успеваю за тридцать секунд до машины. Стою у подъез-

да, запыхавшийся, всем своим видом показывая, что жду тут давно. Микроавтобус распахивает двери — и я отправляюсь по дороге, которую видел раз, наверное, тысячу. Решаю восполнить баланс сна и задрёмаваю.

Просыпаюсь от звука отправляющегося поезда. Подскакиваю, рвусь к двери — и осознаю, что поезд уходит, но не мой. Сердце ещё колотится, когда я выхожу на привокзальную площадь.

Только собираюсь набрать Сан Саныча — за спиной вкрадчивый голос:

— Ну что, Денис, готов?

Оборачиваюсь. Крепкий мужик, средний рост, возраст непонятный — выглядит подтянуто даже в камуфляже.

— Готов. Когда отправляемся?

— Сейчас и отправляемся. Поезд через десять минут.

В поезде знакомимся плотнее. Надо сказать, Сан Саныч произвёл хорошее впечатление. Мужик порядочный и увлечённый. Но одна вещь не даёт покоя. В пути он рассказал, кто организовал экспедицию: некий предприниматель, в народе получивший прозвище «Левый». И слухи то про него неприятные такие ходили. Говорили, что под прикрытием официальных раскопок его команда по факту чернокопатели. Но слухам я привык верить в последнюю очередь. Посмотрим на месте.

Новгород.

Автобус довезёт до деревни. Оттуда уазик. «Буханка», ви-

давшая такие виды, что сама по себе заслуживала музейной таблички.

— Сан Саныч, ты уверен, что на этом ведре мы доберёмся? Или его на горбу дотаскивать?

— Верить надо в лучшее, а готовиться к чему угодно, — улыбается. — Не переживай, если что — пешком дойдём.

— Да я и не парюсь, ходьба по лесу — не проблема.

Вслух сказал. А про себя подумал: «Мда. Главное — сердцем не стареть. Хотя тренировки с застрявшей в грязи «буханкой» натренируют любую сердечно-сосудистую до готовности к полёту в космос».

Дорога живописная, если не считать ям, от которых в салоне подкидывает так, что моя голова готова проделать пару вентиляционных люков в крыше. Когда по моим подсчётам мы приближаемся к четвёртому кругу по Данте, тормоза взвизгивают. Уазик издаёт бульканье тонущего, но не сдавшегося корабля — и останавливается.

Двери распахиваются. Невысокий мужичок с лёгким прищуром:

— Добро пожаловать на раскопки, изыскатели.

Саныч здоровается:

— Генрих Рудольфович, доброго здравия. Как работы?

— Проходят, Сан Саныч. Это ключевое слово. Интересного хватает, а полезного мало.

И тут до меня доходит — это и есть «Левый». Собственной персоной.

— Здравствуйте, Генрих Рудольфович. Денис. Давно хотел окунуться в атмосферу раскопок.

Какие бы слухи ни ходили, правила хорошего тона никто не отменял.

— Наслышан о вас, Денис, — «Левый» улыбается. — Рад видеть в группе.

И не разберёшь — искренне или блефует. «Наверное, хорошо играет в покер, — мелькает мысль, — с таким лицом можно и с парой в ва-банк идти».

«Левый» провожает до палатки, советует перекусить и ложиться — подъём ранний. Перекусываем, и я желаю Санычу спокойной ночи.

И вот — раскопки. После нескольких часов ковыряния кисточка в очередной раз смахивает песок — на дне раскопа что-то блестит.

Неужели я, простой учитель истории, наконец-то самостоятельно нашел на раскопках что-то ценное?

Может, монетка? Вдруг там царский гривенник?

Сердце колотится о рёбра так, будто хочет выскочить и само посмотреть. Аккуратно развожу песок пальцами и вижу медь.

Тонкая полоска позеленевшего металла, что это?

Да это же обруч! Женское украшение, судя по размеру и ковке — ободок на лоб, на концах закрученный в переплетённые стебли с лепестками. Двенадцатый век, руку даю. На-

ходка получше монетки — может, не по деньгам, но по истории точно.

Вот тебе и захолустье. Вот тебе и «поселение в такой глубокой заднице, что даже комары летают с навигатором» — это Макс так сказал, когда я описывал ему место раскопок. Главное, что сейчас в руках у меня находка, от которой у любого нормального историка должны дрожать коленки.

— Саныч! — ору на весь лагерь. — У меня тут сокровище! Век двенадцатый! Тащи протокол!

Саныч прибежал как угорелый, а вместе с ним прибежал и Левый. Взглянув на моё светящееся лицо, тот перевёл взгляд на обруч в моих руках. Улыбка медленно сползала по его лицу, превращаясь в недовольную ухмылку.

— Ты чё так орёшь? — Левый явно был не в настроении. — Нашёл побрякушку — так нашёл. Чего весь лагерь на уши ставить? Заполнишь протокол — кинь его в общую палатку.

Не сказал, а выплюнул эти слова мне в лицо. И, резко повернувшись, быстрым шагом ушёл с моего квадрата.

— Не бери в голову, Денис, — Саныч пытался меня подбодрить, видя, как у меня на лице растерянность сменяется гневом. — Он-то сто процентов клад ожидал, судя по твоим воплям, а тут обруч медный.

— Да пошёл он, — зло процедил я. — Видимо, реально ему пофиг на значимость артефакта. Главное — загнать его подороже. — Я оборвал фразу, пытаюсь успокоиться, чтобы не наговорить ещё больше на эмоциях. — Давай оформлять,

Саныч.

Мы приступили к описи и, закончив где-то минут через сорок, отнесли обруч в главную палатку и сдали начальнику экспедиции. К этому времени я почти успокоился, но желание посчитать количество зубов у Левого периодически накрывало.

«Что за потребительское отношение такое, — думал я. — Всё только деньгами мерить. Вот так и теряют исторические ценности, заменяя их на золотые побрякушки».

Настроение было так себе, поэтому вернулся я к раскопу нехотя. Помахивая лопатой и расширяя квадрат, я не заметил, как за моей спиной кто-то встал. Повернувшись, увидел паренька.

— Ну что, как тебе Левый? — спросил он. — Заценил его любовь к истории и к родному краю?

— А то! Не видишь, что ли — радуюсь так, что лопата от счастья из рук вылетает, — ответил я сарказмом на сарказм. — Ты чего хотел-то?

— Да просто покурить зашёл, потрепаться за чашкой чая. Меня, кстати, Серега зовут.

Я протянул ему руку:

— Денис, будем знакомы. Чё ты так взъелся на Левого-то? Мужик, конечно, своеобразный, но ты, походу, не прочь его в соседнем болоте притопить.

На мой вопрос Серега лишь хмыкнул и улыбнулся.

— В прошлом году были мы на раскопках в Псковской

области, и на третий день меня сама удача под руку толкнула. Решил я разработать самый край своего участка. Через пару взмахов наткнулся на меч — да не скандинавский, а наш, славянский. Глаз не отвести. Как чёрт из табакерки вынырнул Левый, из рук, зараза, меч вырвал. «Я, — говорит, — сам опишу, очень уж ценная находка». Только знаешь, в чём прикол? Я ведь потом так этого меча среди основных находок и не увидел. А выводы делай сам.

— Я примерно так и подумал. Он как нахлёстанный прибежал, когда я обруч нашёл, а как медь увидел — так ощущение, что его в ведро с дерьмом макнули, — я редко выбирал выражения, предпочитая быть честным по отношению к людям; быть сволочью, но порядочной. — Как теперь дальше работать, если этот козёл может любой ценный артефакт прикарманить?

Саня вздохнул:

— Чё поделаешь, зато деньги хорошие платят. Ладно, Дэн, пойду на свой раскоп. Удачи тебе тут.

Он двинулся к своему месту, обходя змейкой участки ещё пятерых археологов, с каждым перекидываясь парой фраз.

Я же погрузился в раскоп. Пока ковырялся у себя в яме, мимо меня то и дело сновали туда-сюда другие участники раскопок — вытаскивая из недр земли тайны истории и предавая их свету, уносили всё в сокровищницу Левого.

«Сколько из этих находок не уйдёт в музеи, а останется в чьих-то руках?» — я старался не думать и не портить себе

настроение.

К концу дня я нашёл пару осколков от глиняной посуды, всё описал и направился в центральную палатку — сдать артефакты. Раздумывал о том, кому на Руси жить хорошо, как говаривал классик.

В эту ночь снилось, будто стою я на огромном лугу, утопая в некошенной траве. На холме посреди луга — красивая женщина, в лёгкой льняной блузе и сарафане, руки раскинуты так, что мерещатся за ними крылья. Лица не разглядеть из-за света, что льётся из её глаз — от этого она кажется только загадочнее. А когда она посмотрела на меня, тело будто обожгло чистым пламенем — оно вошло в каждую клетку, словно очищая.

За этими мыслями я не сразу расслышал крики, которые доносились с противоположной от моего квадрата стороны раскопок. Голосов было много, и все они просили о помощи.

«Там чего, отдельно взятый кусок неба на землю рухнул?» — была первая мысль. — «Всё же карма настигла жадного». Это я уже обдумывал, со всех ног пробегая по лагерю.

И что за дураки столько ям накопили!

Несмотря на препятствия, бежал я довольно быстро. На мировой рекорд иду, по-любому.

Это была последняя здравая мысль, перед тем как я увидел это. Нет, не так — ЭТО.

Статуя высилась метра на два над местом раскопа, хотя была поднята чуть более чем наполовину. Величественный

образ женщины с протянутыми вперёд руками внушал трепет. В одной руке её была чаша — как будто приглашала уставшего путника напиться воды и отдохнуть. В другой руке она держала затейливый медальон, и казалось, что в этом медальоне заключалась дальнейшая судьба каждого, кто оказывался перед ней.

Всё это пронеслось в моей голове за доли секунды, но мне показалось, что прошла целая вечность — настолько сильно притягивала к себе эта статуя. А ещё меня пронзило резкое ощущение того самого сбоя в матрице — дежавю. И несмотря на жаркую майскую погоду, меня продрали ледяные му-

рашки — статуя очень уж напоминала ту, что я видел во сне.

Вокруг копошились люди, пытаясь не дать ей упасть — она начала крениться на один бок. Схватившись за одну из строп, я попытался удержать падающее сокровище. Стропа дёрнулась и обожгла руку.

Твою дивизию! Как завтра копать буду?!

— Уйди, растяпа! — это уже мешающемуся под ногами мужику.

В это время трактор поднял ковш с накинутыми на него стропами, и статуя остановилась.

— Всем спасибо! — прокричал Левый. — Можете расходиться, дальше управимся!

Неспроста столько радости в его глазах, даже через край плещет... Что-то тут не то...

Вернувшись на заданный квадрат, я начал собирать инструмент и готовился на сегодня работу завершить.

Сколько времени-то?

Я захлопал по карманам, в поисках мобильного.

Так, а где он? Похоже, я его обронил, пока помогал удерживать статую от падения.

Беда, опять обратно топать. А может, потом?

Какие-то сомнения не давали мне сдвинуться с места.

Без телефона всё равно никак.

Я махнул рукой на свои мысли и решительно двинулся в обратную сторону. Как ни странно, телефон нашёл почти сразу — он выпал, когда я подбегал к статуе.

Нормально, даже не растоптали. Я отряхнул его от песка. И не прихватили.

За ветвистой ивой раздавались голоса: кто-то оживлённо спорил.

— Я тебе говорю: десять процентов — это максимум, — говорил голос, похожий на голос Левого. — Больше я тебе дать не могу.

Дальше что-то неразборчивое и вдруг четко.

— Пятьдесят миллионов, минимум. Это если через посредника. Напрямую — больше.

Собеседник взорвался:

— Ты охренел? Это произведение искусства, это не бронзовая хрень с блошиного рынка! Ей цены нет! Ещё до римлян, понимаешь? До римлян! Таких по всей Европе — три штуки, и все в музеях.

— Тем более. Значит, покупатель найдётся.

— Левый, ты ничего не перепутал? Ты не забыл, кто тебя сюда поставил? Ты хлопалку-то закрой, а иначе вопрос и другому порешать можно, — голос был незнаком, но говорил человек, который явно чувствовал себя хозяином положения.

Я, пока слушал, как-то на автомате включил камеру и начал снимать. Привык фиксировать всё на телефон.

Заснял Левого, его собеседника, статую на заднем плане. Снимал и чувствовал, как внутри что-то переворачивается. Это была последняя капля. После истории с мечом, который

рассказал Серега, после медного обруча и реакции Левого — я уже подозревал. Но одно дело подозревать, а другое — слышать, как они тут базарят и делят такую находку, которой, возможно, больше двух тысяч лет. Как делят мясо на рынке.

«Ещё до римлян, — стучало в висках. — Ещё до римлян. А эти сволочи торгуются за проценты».

Нет. Терпеть больше я не буду. Эти люди могут устроить мне проблемы — я это понимал. Но терпеть не мог. Физически не мог. Как не мог терпеть, когда Колька-сосед мухлевал в карты. Как не мог молчать, когда видел несправедливость. Это было сильнее разума, сильнее инстинкта самосохранения — какой-то внутренний стержень, который не давал прогнуться.

«Вот ты и попался, собака, теперь не отвертишься», — только и успел подумать я, собираясь уходить.

Треск.

Сухая ветка под ногой. Проклятая ива.

Голоса за деревом смолкли. Секунда тишины, и вдруг меня схватили сзади, выкрутив руку так, что телефон чуть не выпал. Но я успел — пока меня волокли через поляну, большой палец скользнул по экрану.

— Шагай, бедолага, шевели поршнями.

Меня толкнули в спину. Я сделал пару шагов и оказался на поляне прямо перед Левым.

— Смотри, бугор, какие птички у нас по кустам прячутся.

Мой конвоир опустил автомат.

— Дениска, Дениска... Ну что же тебе на своём квадрате-то не сиделось? — с лёгким сожалением произнёс Левый.
— Правдоборец ты наш.

Ответить я не успел. Неожиданно слева прилетел удар — видимо, постарался тот, кто меня и обнаружил.

«Самый страшный удар — тот, которого не видишь. Так, вроде, говорил Брюс Ли», — это я уже обдумывал, лёжа на земле.

И какая только хрень в голову не приходит...

Пошатываясь, я встал.

— Левый, я всё снял на телефон, так что не советую так делать больше, — сквозь зубы процедил я. — Ещё раз эта обезьяна руками махнёт — и я их сломаю.

Чего-чего, а силы в руках мне было не занимать. Сказывались и тренировки, и работа в кузне.

— Денис, зачем тебе этот головняк? Давай ты сделаешь вид, будто ничего не видел, а я сделаю вид, будто не видел тебя, — Левый небрежным движением потянулся во внутренний карман куртки. — Да и есть чем приглушить твой голос совести.

Он достал пачку скрученных купюр.

Пятитысячные. Никак не меньше тридцати банкнот. Может быть, кто-то повёлся, но не я. Моя цель была другая.

— Что, думаешь, бабки всё решают?

— Так ведь оно так и есть. Бабки, Денис, решают всё. Сле-

лаешь правильный выбор — и эти будут твои, плюс компенсация на новый телефон, — он махнул рукой, предлагая мне взять купюры.

Я не взял. Сунул руки в карманы и посмотрел ему в глаза. Мои девятиклассники от этого взгляда ёжились. Левый, к его чести, не ёжился. Но и улыбаться перестал.

— Слушай меня внимательно, Генрих Рудольфович, — я намеренно назвал его по имени-отчеству. — Я сейчас скажу один раз, и больше повторять не буду. Статуя уходит в музей. В государственный фонд. Как положено по закону. Ты оформляешь всё по протоколу, акт передачи, опись — всё как должно быть. И она становится достоянием народа.

Левый моргнул. Потом усмехнулся, но уже без прежней лёгкости.

— А если нет?

— А если нет, то всё, что я заснял: и про пятьдесят миллионов, и про посредника, и про «ей цены нет». И твоё лицо крупным планом, Левый, очень фотогеничное, кстати — вся моя запись уже уходит на облачный диск. И далее будет у кого надо.

Я врал только в одном. На самом деле я уже отправил видео на несколько адресов, и сейчас очень надеюсь, что проблемы со связью не будут помехой.

Левый кивнул кому-то позади меня, и я краем глаза заметил движение слева. Рывкнул:

— Ща я тебе покажу, утырок, как бить исподтишка!

Резко крутанувшись на пятках, я отработанным ещё в армии движением левой рукой блокировал руку противника, одновременно прихватывая его за рукав и перемещая центр тяжести на левую ногу. Правая рука при этом набирала неплохое ускорение. Противник попробовал сделать шаг назад, но не получилось — вырвать плотную куртку из захвата пальцев кузнеца было практически невозможно.

Хрусть!

Кулак встретился с его лицом. Словно в замедленной съёмке я наблюдал, как его нос медленно сворачивается в сторону, кровь брызжет фонтаном, как зрачки поднимаются вверх и закатываются под веки.

«Пациент скорее жив, чем мёртв. В фильме, что ли, слышал? Первый готов», — внутренний голос ликовал.

Эйфория от победы разливалась по организму, заставляя сердце биться быстрее и разгонять кровь. Адреналин бил по глазам, обостряя зрение.

Почувствовал движение сзади, будто ветер задел волосы. Сейчас и тебе помогу отдохнуть.

Резко пригнувшись, я выбросил кулак, ориентируясь интуитивно, и, походу, засветил второму ублюдку, который любил нападать со спины, прямо между ног.

Не быть тебе хорошим отцом, а вот танцор получится неплохой.

Завершить рассуждение я не успел.

Раздался хлопок.

Блин, как в груди-то резко зачесалось...

Я опустил голову и глянул на грудь.

Не понял. А чего свитер в крови?

У Левого в руках оружия не было, да и не стал бы он сам руки марать. Наверное, тот, со сломанным носом, стрелял.

Плохой, видимо, из меня визажист.

Боль пришла волной.

«Надо же. Мог бы взять деньги. Мог бы уйти. Мог бы жить дальше — учить своих обалдуев, ковать доспехи Максу, спорить с Кузнецовым про оценки. Мог бы. Но тогда это был бы не я».

Ноги наконец сдались. По инерции я сделал несколько шагов вперёд — и врезался в статую. Руки сами обхватили каменную фигуру, пальцы вцепились в складки одежды, высеченные тысячи лет назад. Женщина с чашей в одной руке и медальоном в другой смотрела куда-то поверх моей головы — туда, где, может быть, ещё существовала справедливость.

«Всё, Дениска, отбегался, — внутренний голос говорил где-то на краю гаснущего сознания. — Это финиш. Хорошо хоть видео успел отправить. Не зря снимал».

Из последних сил я обернулся и увидел опять рожу Левого:

— Тут такие бабки на кону, Дениска. Никто и не думал с тобой игр...

Он оборвал фразу, и я увидел ужас на его лице. Краем периферического зрения заметил, что перед статуей как буд-

то мелькал призрак с длинным клинком в руке. Слышались крики, звуки выстрелов. Потом всё смолкло.

Глаза окончательно закрылись. Вдалеке показались то ли огни, то ли снежинки. Они приближались, и было ощущение, что я лечу в космосе среди звёзд.

Удар!

«Даже тут умудрился во что-то вцепиться», — только и успел подумать я, перед тем как острая боль пронзила всё моё тело. Мне казалось, что каждая молекула во мне взорвалась и разлетелась по всей Вселенной.

Стон...

Я даже не сразу понял, что это мой стон.

Пытаюсь приоткрыть глаза — ощущение, как будто веки приклеили клеем друг к другу. С невероятным усилием разлепляю их.

«Я что, попал на небеса?» — первая моя мысль.

Храм какой красивый... Откуда такой взялся на раскопках?

Статуя стоит прямо передо мной. И на ней большое красное пятно... Прямо в том месте, куда я приложился грудью.

Это что, моя кровь?

Мысли снова начали путаться, тошнота подкатила к горлу.

Темнота. И на этот раз без ощущений.

Просто спасительная темнота.

Глава 2

Утро добрым не бывает.

Наверное, такие мысли приходят каждому из нас, особенно после хорошего вечера. Со мной в этот раз случилось так же.

В голове гудит колокол, и, судя по всему, звонарь стучит в него изо всех сил. Тело ломит, как при сильной температуре, перед закрытыми глазами проносятся неясные тени.

Пробую пошевелить распухшим языком...

Я что, вчера весь вечер песок жевал вместо закуски?

Я же не пью совсем, особенно в нашем коллективе, у нас ведь что ни змея, то трепло... Видимо, неплохо майские отметили. Сегодня чат будет пестрить ёмкими замечаниями о моём недостойном поведении и утрате доверия со стороны коллег.

Воды бы...

Дали бы ведро, ни капли мимо бы не проронил. Руки сами тянут одеяло повыше. В нос пробиваются запахи, очень похожие на собачье дерьмо.

«И зачем я проснулся, спал и спал бы себе. Чем же так воняет?» — всё это я пытался осознать, не открывая глаз. —

«Точно не дома, не дошёл, походу, а вот где я — это вопрос».

Мысли ускорились, видимо, проводимость нейронов улучшилась, и я стал потихоньку осознавать, что точно нахожусь вне дома — по запахам где-то в сарае или хлеву со скотиной. Заинтригованный догадками, я попытался открыть глаза.

Сегодня учитель истории совершил открытие века... потом он открыл второе веко.

Мутная картинка перед глазами бликовала, будто разбилась на пиксели, но постепенно прояснилась, и передо мной оказалась стена.

«Видимо, сарай. Точно не хлев, — я повернул голову. — Лежу у стены... но почему стены каменные? Кто сейчас лепит сараи из камня? Я в плену у каких-то мажоров? Меня похитили инопланетяне? Потолок-то какой высокий... куда же ты попал, Денис Евгеньевич?»

Чтобы не тронуться умом, принял волевое решение: встать и осмотреться. Приподнявшись на локте, понял — помещение большое, вытянутое. Свет падает через маленькие окна на высоте моих двух ростов. Решётки кованые, но стильковки ни фиги не двадцать первого века и даже не двадцатого.

Со стоном поднялся. Голова ещё не отошла, мутило, и от пыли всё время хотелось чихать.

Я осмотрелся.

Прямо передо мной стоял длинный дубовый стол, сруб-

ленный из толстых плах.

«Добротно сделан», — отметил про себя.

По бокам — такие же лавки с незатейливой резьбой. За столом, на возвышении, трон: метра полтора в высоту, с широкой спинкой и такими страшными ножками, что промелькнула мысль:

«Триста рублей бы пожалел за такую работу. Халтура какая-то».

А сильнее всего в глаза бьёт пыль. Везде: на полу, на стенах, на столе и лавках. Слой такой, словно я тут первый человек за пятьсот лет.

Резкая вспышка в голове почти погасила сознание. Картинки замелькали перед глазами.

Щёлк — и я смотрю на свою окровавленную грудь.

Щёлк — и перед глазами проносится призрак с мечом.

Картинки, как слайды в презентации, не желали останавливаться.

Раскопки. Статуя. Левый с поделчиками. Кровь, моя кровь.

«Видимо, мне конец», — первая здравая мысль. — «Я вспомнил, как умер».

«Ага, умер», — ответил сам себе в голове, — «если ты умер, как ты тогда живой тут стоишь? Не тупи, Денис, не тупи. Думай».

Если не умер — тогда что, переродился? Так для этого на-

до умереть. В любом случае печально, что бы ни случилось.
Будем разбираться.

Другой бы на моём месте ударился в панику, но не я. Никогда со мной такого не было. В стрессовой ситуации в голове будто щёлкал тумблер: сознание становилось ясным, мысли — стройными. В голове холод, отстранённость, взгляд со стороны.

Вот, например был случай в прошлом: кузница горела, пламя со всех сторон, дым выедаёт глаза, лёгкие горят, и кашель такой, что выплёвываешь себя по кускам. А в голове — чёткий, посекундный порядок: поднимаю одеяло, пригибаюсь, накрываюсь с головой, ползу к выходу. Одеяло загорается, но я твёрдо знаю — успею доползти раньше, чем вспыхну сам. Тогда во время отпуска металла полыхнула муфельная печь. Я должен был погибнуть. Но безвыходных ситуаций не бывает, главное — не паниковать. Даже если тебя съели, выход есть. Правда, всего один.

Снова воспоминание поднимается из глубины сознания. Горы, мы с парнями застряли в ложбине, сверху долбит пулемёт, мы как на ладони. Голос сержанта:

— Всё, пацаны, трындец, рация сдохла. Нас зажимают со всех сторон.

— Товарищ сержант, — говорил я спокойно, как всегда, — есть один плюс.

— И какой, Дэн, в этом плюс?

— Можем атаковать в любом направлении, — я при этом

улыбнулся, — если прикроете, заберусь по уступу и сниму эту сволоочь из гнезда.

— Что мне в тебе нравится, так это боевой дух, давай, пошёл.

В тот раз мы выбрались почти без потерь — на всю команду пара трёхсотых. И паники не было. За весь месяц командировки — ни разу. А значит, и сейчас надо осмотреться и выйти из этого заброшенного замка, какому бы чёрту он ни принадлежал.

Как говорила моя бабушка: «Дорогие гости, жопой не елозьте, чай дохлёбывайте и...» И отправляйтесь по заданному маршруту — это уже я от себя. Увидев дверь в противоположной стене, я двинулся к ней.

Взгляд зацепился за размер камня: крупный и почти одинаковый у всех валунов. Непривычно.

Я вышел в узкий коридор и понял, что мебели нет. На стенах кованые держакы, судя по всему, под факелы, точно не под свечи. По форме они напоминали рожок для мороженого, только с острым клиновидным верхом.

— Таким и убить можно, если вырвать из стены, — проговорил я вслух. По коридору пронеслось лёгкое эхо вместе с ветром. — Мне что, замок подарили за геройство? Накрыл банду мошенников — получи, распишись и сиди улыбайся. Или решили: раз так геройски отстоял статую — сгожусь в смотрители? Или в охранники?

Прошелся по коридору.

Интерьер впечатляющий. Ощущение средневековья накрыло с головой, особенно когда сунулся в дальнюю комнату и понял, что это туалет — дыра в полу, рядом пучок соломы.

— По отсутствию туалетной бумаги смело можно сделать вывод — тринадцатый век, — я уже развлекался вовсю, — так, если здесь отхожее место, значит, выход должен быть на другом конце коридора.

Куда я и отправился, в надежде, что, осмотрев окрестности, пойму, где нахожусь.

Пыль и серая унылость голых стен гнали наружу. В конце коридора, за дверным проёмом, — лестница.

Орлы птицы гордые, так что полез наверх.

Четыре пролёта — и я на небольшой площадке.

Над головой светило солнце, правда через раз: половину времени пряталось за облаками. Влево уходила крепостная стена с проходом шириной около метра.

«Как неудобно сделано, — сканировал я всё взглядом историка и реконструктора. — Тут же двум воинам не разойтись. А оборонять придётся — что, в одну сторону бегать?»

Станным было не только это.

Камень.

Что-то с ним было не так. Подойдя к кладке, начал вглядываться, ища знакомые черты гранита. Сперва подумал — он, но не тут-то было. Камень незнакомый: бело-голубой, с тёмными вкраплениями.

Да, таких я ни разу не встречал. Что происходит?

Справа, на краю стены, крепилось древко со стягом. Полотнище серое — то ли от грязи, то ли ещё от чего.

«Тряпка половая и то лучше», — презрительно скривился я. Какой хозяин — такие и хоромы.

На стяге — точнее, на тряпке — был вышит какой-то герб. Рисунок как у пятилетнего ребёнка. Это сбивало с толку. Поначалу даже показалось: я на реконструкции, и это товарищи так пошутили.

— Если это Макс угарает, прибью.

Солнце снова выглянуло из-за туч — и тут я знатно ошалел. На нём кратеры, как на Луне. А на Земле такого быть не может!

«На Земле — не может, — услужливо подсказал внутренний голос. — А не на Земле? Глянь за стену: строения по архитектуре не похожи ни на один период земной истории».

«Очень интересно, но нихрена не понятно», — до меня начало доходить, что я в месте, о котором ничего не знаю. — «Логический вывод: я не на Земле. Где бы я ни оказался на своей планете, нашёл бы доказательства, что дома. А тут — ничего».

С одной стороны, радовало, что, кроме меня, здесь никого. Будь тут кто-то — я бы его обнаружил. Хотя какой смысл? В обнаружении. Под рукой ни черта нет, и напади на меня кто — отбиваться нечем.

«Ну почему, почему так, — точил червяк разочарования. — Сам перенёлся, одежда та же, что на раскопках, даже бо-

тинки уцелели. В кармане только нож-«швейцарик» да увеличительное стекло. А ни кирка не телепортировалась, ни нож нормальный — ничего, что помогло бы при встрече с агрессивными незнакомцами».

А что агрессивными — я не сомневался. Встретив у себя дома какого-то козла, влезшего без спросу, вы вряд ли предложите ему чай.

Зажигалка не потерялась — уже хорошо. Нет, не для курения, я не курил. Скорее для успокоения, для медитации. Есть в этих движениях своя магия: щёлкаешь туда-сюда — и отпускает. Ну и бонусом горн ей удобно разжигать.

Кстати о магии: сверхъестественного я тут пока не нашёл. Всё в пределах понятного. Но если магии нет — что меня сюда перенесло? В колдовство я не верю, я реалист.

Тут я уже несколько часов. Облазил, кажется, большую часть замка — ничего опасного. Или плохо смотрел. Любопытно: американцы в таких случаях говорят «nobody» — дословно «нет тела», а мы, русские, — «ни души». Сразу видно, что у нас на первом месте душа, а не материальное тело. Даже словосочетание русский дух об этом говорит. Есть ли душа у здешних обитателей — ещё предстоит выяснить. Как и есть ли сами обитатели...

— Пулемёт бы, — за неимением собеседников я говорил сам с собой, — и цинка два патрона. Вот тогда спокойнее, даже если нарвёшься на хорошо вооружённый отряд. Или

пистолет — тот же Макаров в ближнем бою самое то. Да хоть нож. Хоть рогатку.

Проговаривал всё это, пока бродил по замку — разведывал обстановку и искал хоть что-то похожее на оружие.

Долбанный лабиринт. Уже начинало раздражать. Комнаты похожи одна на другую, хожу кругами. Вот пролом — но я его уже проходил. Или другой? Всё однообразно, ни одного ориентира.

Мысли возвращались к оружию.

А если не найду? Сделать пращу — из той тряпки, что здесь вместо стяга. А что, мысль неплохая.

Только подумал и собрался к выходу на стену, как вдалеке раздались шаги. Чуть шаркающие, очень короткие.

Наконец-то.

А то уже решил, что впал в кому и всё это снится. Раз есть люди — смогу договориться. Языка не знаю, будем общаться жестами. Одежда наверняка насторожит их — значит, надо расположить к себе, без резких движений, чтоб не провоцировать.

Я повспоминал, как вели себя великие мореплаватели, открывая новые земли и налаживая контакт с туземцами.

И пошёл навстречу шагам.

Из-за угла вывернули два существа. Невысокие, с зелёной кожей.

Точно инопланетяне похитили!

Но слишком отсталые... В каких-то лохмотьях.

В руках у них странные палки.

И только присмотревшись, я понял — копья. Наконечники из сырца, даже не закалены, по линииковки на лезвии огромные рытвины: будто ковали не молотом, а камнем.

«Тебя это сейчас волнует?» — внутренний голос говорил с иронией. — «А то, что перед тобой стоят гоблины, довольно страшного и непрезентабельного вида, это так, семечки?»

И правда, гоблины.

Вот тебе и оружие, Дениска, хотел — получи.

Раз уж передо мной примитивная раса — а это читалось по внешнему виду, — я попытался наладить контакт. Без резких движений приложил ладонь к груди, как почти все земные племена в знак дружелюбия, и спокойно произнёс:

— Здравствуйте! Вы понимаете, что я говорю?

Гоблины дружно закивали в знак согласия.

Вот это я молодец — пальцем в небо, а в самую серединку попал. Не орал, не прыгал, тем более не атаковал, как сделал бы кто-то, и вот результат: понимают.

Сейчас узнаю у них всё, что нужно.

Гоблины в это время продолжали кивать и вдруг разом, не сговариваясь, рванули на меня так, что из-под ног полетел мусор.

Копья опустились, наконечники нацелились прямо в меня.

Обдумывал я это, уже разворачиваясь, — и за секунду разогнался до состояния, когда пятки впечатываются в задницу.

Вот это наладил связь.

За тем поворотом я видел подставку под факел — клиновидная верхушка как клевец, влупить можно от души. Дать отпор лучше тут, в коридоре: простора у противника не будет. А если загонят меня в комнату — возьмут с двух сторон.

Подхватываю подставку, зажимаю шипом вниз.

И останавливаюсь.

Противники, похоже, такого не ожидали, стали притормаживать. И сразу метнули оба копья. Одно я пропустил слева, чуть развернув корпус, второе чиркнуло по ноге — не успел убрать.

В руках гоблинов, как по волшебству, возникло ещё по копью. Откуда вытащили? В игры явно не играют — намерения серьёзные, хотят меня завалить.

Первый, не дойдя пары шагов, выбрасывает руку с копьём. Резко разворачиваюсь почти на пятках — и с размаху засаживаю клевец ему в висок. Череп проламывается как картон, подставка входит на всю глубину, разваливая голову почти

пополам.

Минус один. Второй, видя, как падает товарищ, нападать не спешит. Перехватывает копьё поудобнее, отставляет ногу для точного удара. Смотрит прямо в глаза.

Рывок и копьё летит мне в лицо.

Уклоняюсь вправо, выбрасываю руку, перехватываю древко. Дёргаю на себя. Гоблин копьё не выпустил — по инерции летит на меня. Всаживаю подставку ему в ухо.

Отвратительный хруст костей — и этот отпрыгался.

Гоблин оседает на пол, подставка остаётся у меня в руке.

Прислоняюсь к стене, сползаю вниз. На полу пытаюсь выровнять дыхание.

Вот это хапанул адреналинчика.

Дыхание становится ровнее.

Вот это тебе полное погружение в историческую реальность. Хотя какая, нахрен, историческая.

Кровь из головы гоблина подтекает к ботинку. Сдвигаюсь в сторону, всё ещё не в силах прийти в себя.

Я сидел над двумя зелёными трупами и пытался переварить произошедшее.

Новый мир.

Гоблины...

Я только что убил двоих существ, которых до сегодня считал выдумкой. Вместо исследователя стал убийцей. Прекрасное начало для историка и археолога, просто блестящее. И всё же интерес во мне просыпается и разгорается всё силь-

нее.

Что ещё меня ждёт в этом мире?

Сначала я жаловался на отсутствие оружия — и вселенная подкинула два копья. Правда, с гоблинами в придачу...

И в этот момент со стороны тронного зала донёсся топот. Много ног. Очень много. Явно не двое. Даже не пятеро.

Ну вот, пожалуйста. Стоит подумать, что хуже некуда, — жизнь принимает это как личный вызов. Дениска, запомни раз и навсегда: следи, какие сигналы посылаешь. Вселенная тут слишком отзывчивая.

Подскочив, как от волшебного пинка, я рванул по коридору прочь от нарастающего топота.

Пора сваливать.

Глава 3

Я бежал по коридору.

Эта часть мне уже знакома.

Свойство памяти: увидел что-то раз — запомнил надолго. Дверей в проемах почти не осталось. Большинство комнат явно бытовые: спальни, кладовые и прочее.

Так, тут скрыться не получится, надо искать нору понадежнее.

Несколько гнилых створок я походя снес плечом, заглядывая внутрь. Какая же ветхость: все сгнило, осыпалось, превратилось в прах.

Поворот налево.

Заглядываю в помещение — пусто. Следующее — два на три метра, тоже не подойдет. Сворачиваю направо.

Бегу, но уже не так быстро. Топота не слышно.

И снова комнаты, комнаты, комнаты.

Вот зараза, уже не понимаю, откуда прибежал. Остановился обдумать.

Стоп.

Есть же дыхательная техника: успокоить и притормозить нервы.

Вдох. Считаем до четырех. Выдох. Снова до четырех.

Уже лучше.

«Пора пораскинуть мозгами, пока они еще на своем ме-

сте. Первое — я попал в другой мир. Второе — нахожусь в каком-то замке. Третье — меня недавно пытались убить».

«Ничего не забыл?» — внутренний голос полон ехидства.

«Забыл. Чтобы выжить самому, пришлось уколошить двух гоблинов. И теперь их друзья очень хотят отомстить. Но так было нужно. Либо они, либо я».

Огляделся.

Ощущение Бермудского треугольника.

Может, я попал в аномальную зону, и меня переместило во времени и пространстве? Помню, читал: недалеко от Бермудских островов сел самолет времен Второй мировой — пустой, без летчика. А исчез почти восемьдесят лет назад. А что, если аномалия забросила меня в другую реальность и выплюнет тоже лет через сто?

Или вот Египет: при исследовании неизвестной части гробницы трое археологов вошли в тоннель и не вышли. Со всем. Месяц искали — не нашли. Забавно будет, если землян тут встречу.

Отдышавшись, двигаюсь дальше уже спокойней. Ресурсы организма — не нефть, могут и закончиться. Хотя сил вроде прибавилось. Или это адреналин?

В конце коридора снова лестница, ступени уходят вверх. Поднимаюсь осторожно: половина маршей разрушена, часть ступеней обвалилась. Иду, прижимаясь к стене. Ладони потеют: одно неверное движение — и полечу вниз. Лететь пришлось бы этажа три.

Древнейший анекдот, но сейчас как никогда актуален:

«Чем отличается падение с первого этажа от падения с пятого?»

С первого сначала "бум", а потом "аааааааааа".

А с пятого сначала "АААААААА", а потом "бум"».

Ни того, ни другого не хотелось.

За этими размышлениями я выбрался на крышу. На дворе вечер, солнце село, но еще чуть-чуть отсвечивало.

Подобравшись к краю, взглянул вниз.

А замок-то жилой: блики факелов пляшут на земле.

Я впился пальцами в кладку, расставил ноги пошире, чтобы не свалиться. Со стены твердыня казалась меньше, а сейчас вижу — площадь внушительная. Видимо, поэтому меня пока не нашли, да и с теми двумя столкнулся случайно.

Начался дождь.

Так и брякнуться недолго, пора обратно.

Быстро перебирая конечностями, я со скоростью стремительной улитки втянул свое брненное тело обратно в замок.

Затяжной подъем по ступеням сменился не менее долгим спуском.

Вернувшись в тот же коридор, я направился в сторону, противоположную той, откуда пришел.

Через разбитые окна проникал свет — передвигаться помогало. Но даже в пустых комнатах шанс на что-то напороться и выдать себя оставался всегда, и я это учитывал. Попутно исследовал новую часть замка.

В одной из комнат наткнулся на битый глиняный горшок. Повертел в руках, осмотрел, надеясь увидеть знакомую роспись — и что всё это сон.

Но нет.

Внутренний голос издевался:

«Какая роспись? Горшок-то ночной был, точно тебе говорю».

Чертыхнувшись, хотел запустить горшком в стену, но вовремя спохватился.

Блин, чуть местных удобрений не надышался.

В некоторых помещениях крыша протекала, вода пробиралась по стенам. За время блужданий мне попалась баклажка непонятого назначения — я приспособил ее под сбор воды. Набрал немного, попробовал на вкус. Вода как вода, пить вроде можно. Прямо отлегло — от жажды лапти в угол не поставлю.

Заглянул в очередной проем: в дальнем углу заметил странный след на стене. Будто когда-то висела картина или что-то в этом роде.

Стена как стена. Всматривался до боли в глазах, пытаюсь понять, что же зацепило.

Ветер... Из-под кладки дует ветер!

Я обнаружил тайник!

Это подстегнуло — усталость и голод отступили. Надавил

на камень плечом.

«Ага, ты еще ручку поищи», — не унимался внутренний голос.

«Критикуешь — предлагай».

«Так, Денис, по логике вещей должен быть особый камень. На него нужно нажать, и проход откроется».

«И где?»

Закончив диалог с собой, я начал тыкать во все камни подряд. Как ни странно, один поддался. Нажал сильнее — утопил его в стену.

Щелк!

Будто сработал замок...

Дверь-то приоткрылась.

Толкнул — и очутился в темной комнате, куда свет не проникал совсем.

Чиркнул зажигалкой: в свете пламени разглядел, что отсюда ведут два лаза.

Потолок низкий. Мебели никакой. Оборачиваюсь к выходу — засов простейший, можно смело запирается.

Передвигаться по туннелю можно только впрысядку или ползком. Видимо, хоббиты существуют. А что, если Толкин бывал здесь? Да нет, бред.

Прополз по правому рукаву и наткнулся на обрыв. Пол разрушен, внизу в темноте ничего не разглядеть.

Даже развернуться негде.

Обратно — задницей вперед и по зеркалам, как говорил

мой инструктор по вождению.

Выкарабкавшись из правого лаза, сразу полез в левый — надо же убедиться, что ночью никто не нагрянет. Протиснулся немного и уперся в стену. Сверху оставалось пространство, и, изогнувшись, как гимнаст (в моем случае давно завязавший с карьерой), я встал в полный рост. На этом всё. Ни рукой, ни ногой — проход слишком узок.

Как же теперь обратно вползти? Кое-как извернувшись, двигая телесами, как гусеница, спешащая стать бабочкой, я, ругаясь вполголоса, почти без травм вернулся в комнату.

Новое логово относительно безопасно, можно выдохнуть.

Почти без сил рухнул на пол и заснул.

Спал вполглаза.

Ночью сквозь сон доносились звуки. Будто обитатели замка нашептывали что-то.

Проснулся утром бодрым, отдохнувшим. Первым делом подумал: неплохо бы изучить остальную территорию. Если ходов много, по ним можно незаметно пробираться дальше, скрываясь от тварей.

Эти существа похожи на гоблинов из кино — тех, что всплывали в памяти. А что, если кто-то из режиссеров тоже побывал в такой переделке? Может, и у меня есть шанс выбраться?

Чтобы выжить, надо решить с едой. Ночлег и укрытие есть, теперь — провизия. В первый раз на стене я видел птиц. Можно попробовать поймать. Кожа да кости, конечно, но

белки и жиры получу.

Нажал на запорный механизм.

Щелчок.

Дверь убежища отворилась почти неслышно.

Осторожно выглянул.

Тихо и пусто.

Закрыв тайник, прошел через проем в коридор, прислушался.

Все спокойно.

До лестницы добрался быстро, и минут через двадцать был на крыше.

Присмотрел место, где пернатых больше всего, решил достать их камнем. Подобрал подходящий булыжник, начал осторожно подкрадываться.

Птицы косили на меня глазом, но улетать пока не пытались.

Карабас-Барабас, пообедаю сейчас. Присказка из мультфильма пришлась кстати.

Гули-гули, птички, главное — не улетайте.

Почти вышел на дистанцию броска, отвел руку, только приготовился кинуть... как вдалеке раздался звук горна.

Что за фигня?

Булыжник едва не выпал из пальцев. С охоты вернулись?

Осторожно выглянул за зубцы, чтобы не спалиться.

Скорее всего, я в запасном крыле, а основные укрепления в стороне. Наверное, потому и не нашли. Внизу — неболь-

шая площадь перед воротами.

Рог протрубил еще раз, совсем близко, и во внутренний двор потянулись люди.

ЛЮДИ.

Я чуть не закричал. Уже собрался встать и помахать им, но вовремя остановился — осторожность взяла верх.

За пленниками шли конвоиры. Зеленые уродцы.

Людей навскидку тридцать-пятьдесят, тварей — значительно больше. Они покрикивали, пинали невольников, подгоняли копьями.

Да это же...

Картина начала складываться. Люди для них добыча, не больше.

Гоблинов во дворе все прибывало. Из построек выходили новые группы: смеялись, тыкали дрекольем в пленных, ржали каждый раз, когда текла кровь.

Похоже, замок для них вроде дома. Захватили, перебили жителей, хозяйничают. Вон тот, у ворот, — командир: одет получше, оружие нормальное, его слушаются. Иерархия первобытного племени. Щурятся от солнца, опускают головы. Не любят света — значит, живут в подземельях. Немного отлегло: раз так, наверх сунутся нескоро. И меня найдут нескоро.

Твари встали в широкий круг. Невольников начали выводить на середину. По одному.

На каждого — трое вооруженных.

Я-то завалил двоих, но там сыграли неожиданность и теснота коридора. А тут, на открытом, у бедолаг не было ни единого шанса.

Гоблины налетали с трех сторон разом, с диким гортанным воем. Один бил в голову, второй подрезал ноги, третий метил в живот.

Так на арене легли пятеро.

А те, что стояли в кругу, брезгливо отпинавали подползающих, иногда тыкали копьём под ребра. Развлекались.

И тут вывели довольно рослого, крепкого такого мужика. Видно, что не робкого десятка.

Когда зеленые ринулись, он в прыжке распластался над землей, ушел от копья и кувырком встал за спиной у одного из них. Подхватил выпавшее древко, мгновенно метнул во второго. Копье пробило гоблина насквозь. Тот заверещал, рухнул, засучил ногами, будто хотел вытолкнуть дерево из кишков. Черная кровь плеснула на камень.

Толпа смолкла.

Красава.

Я чуть вслух не завопил.

Мужик еще искал взглядом третьего, когда в него со всех сторон полетели копья. Десяток разом.

Его пронзило насквозь.

Он сделал пару шагов на заплетающихся ногах, начал клониться вперед. Концы копий уперлись в землю — и мужик, сделав последний вдох, так и остался стоять.

Непобежденным.

И не вовремя, совсем не вовремя, в голове всплыл мой же урок. Колизей. Гладиаторы. «Хлеба и зрелищ». Я рассказывал это тридцать раз, у доски, под зевки с задних парт. Говорил: вот так выглядит цивилизация, которая разучилась видеть в человеке человека.

Гоблины засуетились, вожак кивнул, и половину оставшихся людей просто прирезали, не дав даже пикнуть. Выживших загнали куда-то в замок, а трупы так и остались лежать под усиливающимся дождем.

«Сволочи, уроды, мрази, — я сквозь зубы цедил каждое слово. — Ублюдки, скоты. Не дали честного поединка».

«Какой поединок, Денис? Ты о чем? — встрял в монолог внутренний голос. — Это же животные».

«Нет, эти хуже животных. Убивают просто так, не оставляя шанса. Мрази, конченые мрази!»

Дождь уже всюду разошелся и хлестал по плечам словно плетью, но даже холодные струи не могли остудить бурю эмоций внутри.

«Таких только убивать. Уничтожать, не жалея сил. Либо я, либо они».

Я отвернулся от внутреннего двора и пополз в убежище. Нужно было подумать.

В камерке сел на корточки, привалился спиной к холодному камню. Есть не хотелось. Пить тоже. В голове крутилось

одно — как стоял тот мужик. Стоя мертвый. И куда увели остальных.

Но чтобы помочь, я должен сначала выжить сам. А для этого нужно пропитание...

Вода у меня есть. Еду добуду, те же птицы сгодятся. Костер можно развести прямо тут — потайные ходы потянут дым, как вытяжка. Надо изучить лабиринт, все ближайшие коридоры, наметить, куда бежать, если что. А «если что» тут случается каждые пять минут.

И нужно оружие. Нормальное. Потому что биться придется, и биться насмерть.

Эх, мне бы пару метательных ножей. С армии равных мне в метании не было — Макс у яблоко на голове с десяти метров клал. Метал все: ножи, вилки, топоры, гвозди. Второе мое хобби послековки.

За этими мыслями сам не заметил, как вырубился.

Резко открыл глаза — будто внутри щелкнул будильник.

Рядом кто-то стоит.

Друзей здесь нет.

Армейские рефлекс работают безотказно — бью острем факела наотмашь.

Но железяка со свистом проходит сквозь силуэт и врезается в стену.

Звон удара по камню оглушил, аж уши заложило.

— Они услышат. Не все. Но кто-то — услышит, — голос шелестящий, как ветер в сухой листве.

Передо мной висел старик. Точнее, то, что от него осталось. Полупрозрачный, синеватый, края тела таяли и собирались заново — дым, который не определился, дым он или человек.

А-А-А-А-А-А-А!

Я не заорал вслух, но старик все-таки качнулся:

— Тише. — Он не повысил голос, но звук вошел под кожу.

— Заорешь — придут. Оно тебе надо?

Твою мать... Только привидений не хватало.

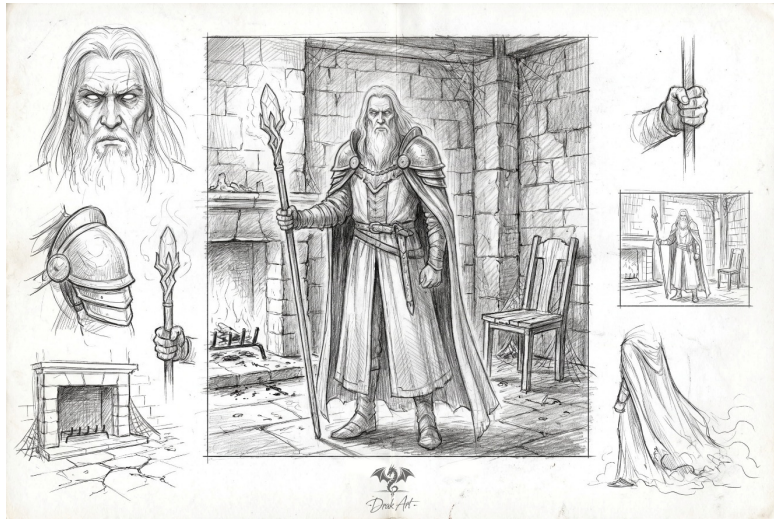
Гоблины, призраки... Я когда-нибудь проснусь?!

Кажется, кукуха всё-таки покинула гнездо, и я теперь пациент дурки.

— Я в дурдоме, что ли?

— «Дурдом», — старик будто попробовал слово на вкус.

— Не слышал такого. А я вообще не слышал новых слов лет триста. — Усмешка вышла усталой. — Знаешь, каково это — триста лет без единого нового слова? Я бы за нормальный разговор полцарства отдал. Да только царства у меня больше нет.

Я немного перевел дух. А он продолжил:

— Чувствую я, пришлый ты. Сила иного мира кроется в тебе. О, если бы я был жив... Я бы обязательно разгадал тайну твоего появления! Но как? В замке недоступна телепортация, если только не использовать порталные арки.

— Портальные арки? Телепортация? Я что, письмо из Хогвартса пропустил?

— Ты странно говоришь, чужеземец. Откуда ты?

— С Земли. Зовут Денисом. А ты кто такой? Жив или мертв?

— Ни жив, ни мертв. — Он качнулся ближе, и я ощутил

холод. — Меня звали Арген Арельянский. Эти стены были моими. И земли под ними. Императоры ездили ко мне за советом — с дарами, не с пустыми руками. А сейчас я лишь субстанция, сгусток сознания, способный материализоваться силой воли. Мне давно пора было раствориться в эфире этого мира, но я всё ещё здесь.

— Чего так? Страшно на тот свет?

— Нет, пришлый. Не страшно. Как Хранитель, я обязан передать свой дар и титул наследнику.

— С родственниками туговато?

— Дело не в них и не в детях. Их у меня было достаточно. Дело в духе Хранителя. У каждого существа есть проекция на тонких духовных линиях. Она и есть средоточие.

— А по-человечески?

Вместо ответа он поплыл к стене. Прямо сквозь — голова, плечи, и нет его. Из камня глухо донеслось:

— Иди за мной. Есть на что посмотреть. Раз уж ты теперь местный.

— Я никуда не... — но рука уже сама нашарила зажигалку.

Любопытство. Будь оно проклято.

Лаз, который вчера упирался в тупик, больше не упирался — камень в торце был сдвинут. Когда успел? Я протиснулся, ворча сквозь зубы, и вывалился...

В зал.

Огромный, колонны уходят в темноту на три моих роста.

Зажигалка выхватывала куски: осыпавшаяся в труху лепнина, мозаика на полу с выломанными камнями, скелет люстры на ржавой цепи. И пыль. Тот же серый саван, что и везде.

И множество костей.

Человеческих...

— Ты видел игру лицедеев? Здесь то же самое. Можно менять тысячу масок, но суть остается одной. Вот почему я задержался. Я смотрю, как эти твари оскверняют всё, что создавалось веками. Они топчут своими грязными лапами бесценные артефакты, даже не понимая их сути. Триста лет я наблюдаю этот кошмар и мечтаю о возрождении величия моего дома. До этого дня я не встречал человека с нужной духовной проекцией.

Он помолчал и добавил:

— И тут появился ты.

— Спасибо, я старался.

— Это не похвала. Это шанс. Мой и твой.

Он поднял руку — если это была рука. С пальцев сорвался синий луч и вошел мне в грудь.

Я отшатнулся, впечатался лопатками в колонну. Но боли не было. Наоборот... Тепло. Сила. Энергия? Что-то мягкое, тягучее растекалось по венам, и на самом дне его я вдруг узнал...

То самое. После гоблинов в коридоре. Когда стоял над двумя трупами, и что-то теплое колыхнулось в груди, а я списал на адреналин.

— Да, — качнул головой Арген. — Ты убил двоих. И забрал кусок их силы. Тут все так устроено, человек: сила берется из боя. Из смерти врага. Другого пути нет.

— А сейчас ты что в меня влил?

— Сердце замка. — Он смотрел, как синий свет тает под моими ребрами. — Я не могу передать тебе все знания, ведь я лишь отголосок, но могу даровать магию этого замка. Этот артефакт собирали ценой человеческих жизней, ему не было цены. Я берег его триста лет — последнее, что у меня оставалось. Теперь его сила внутри тебя.

— Какая еще сила? Какой артефакт? Нормально можешь говорить?!

Призрак шагнул вплотную. Холодные пальцы легли на виски — и мир вывернулся наизнанку.

Образы понеслись вихрем.

Вот я рублюсь в приставку. Вот тяну полосу в кузне, искры в лицо. Снова игра, снова металл, школьная доска, Макс с яблоком на башке. Он листал меня, как книгу, не спрашивая разрешения.

Под черепом будто завелись черви. Боль накатывала волнами, все мышцы свело, я оцепенел и не мог шевельнуться.

Наконец, Арген убрал руки.

— Хм, вот оно что. Человек Земли. Ремесленник, кузнец. Ты не воин.

— Разочарован?

— Наоборот. Я вижу потенциал. В тебе спит дар магии,

хоть и придется многому научиться. Развивай мастерство кузнеца, расти духовно, и тогда ты точно сможешь.

— Смогу что? Как развиваться?

Призрак поплыл от меня медленно вверх, на ходу произнося:

— Замок огромен. Многие его тайны скрыты. Тебе предстоит изучить всё. Отныне ты — Хранитель. Очисти замок, и только тогда обрешь свободу.

— Ты рехнулся?! Какой Хранитель? Я ничего не просил! Мне домой надо! Что будет, если я откажусь?

Он застыл:

— Тогда останешься тут. Как я. Только тебе и призраком стоять не дадут — сожрут. Свобода здесь одна, человек. Сквозь кровь. Других дверей нет. Дары раскроются постепенно. Прислушивайся к себе. Чувствуешь внутренний огонь?

Я хотел рывкнуть: «Да идите вы в задницу с вашим Хранителем!» — но осекся.

Передо мной развернулась огромная трехмерная полупрозрачная карта прямо в воздухе. Вот мой лаз. Каморка. Тронный зал, в котором стою. Ходы ветвились и уползали в темноту, этаж за этажом. Где-то вдалеке тлели красные точки — много, гроздьями. А внизу, широким пятном, — двор. Арена. Та самая, где час назад убивали людей.

Я видел весь замок, как на ладони.

Живая карта.

— Это что... — выдохнул. — Это ж прям как в «Героях».

Я что, в игру попал?

— Не игра. — Голос Аргена уже истончился, силуэт расходился дымом. — Путь. И он будет пореальнее всего, что с тобой было. Красные — враги. Учись смотреть. Учись бить. Ты справишься. Я ВИЖУ ТЕБЯ.

Он почти растаял. Последнее долетело уже отовсюду и ниоткуда, тихим эхом:

— Благо... дарю...

Тишина. Только дождь шуршал где-то наверху, сквозь дыры в крыше.

— Охрененный подгон, — только и успел выдохнуть я, прежде чем отключиться.

Глава 4

Проснулся с головной болью.

Опять.

Это когда-то прекратится? После переноса было чувство, будто я бухал неделю без передыху. Сегодня — иначе. Голова болела по-особенному, непривычно. Но терпимо.

Так, а что там у нас было вчера?

Ага. Имел честь побеседовать с занятым типом, который материализуется, где вздумается, — призраком бывшего хозяина замка, Аргеном. Втирал он какую-то дичь: про духовную силу помню, про дары, что он мне всучил. И в башке моей покопался, походу.

Это что, встречи с моими подругами он тоже видел?

«Это фиаско, братан», — внутренний голос тут как тут.

«А что, суровая правда жизни, все по Фрейду».

«Ну конечно, кто бы сомневался, ты всегда найдешь себе оправдание, — прям издевается. — Преобладание базовых инстинктов над духовной составляющей».

Я отбросил лишние мысли и постарался сосредоточиться на вчерашней встрече.

Это не сон и не бред. Я уже понял. Призрак не привиделся.

Прислушиваюсь к себе. Кроме боли — чувство, будто мозг распух и давит на череп.

Прикрываю глаза, чтобы оглядеться, — и передо мной разворачивается трехмерная карта замка. Стоит подумать о какой-нибудь комнате — она тут же встает перед глазами.

Я вижу тайные лазы, которые уходят от моего логова. Вижу тронный зал.

«Это что, я теперь могу перенестись мыслью в любую комнату?»

«Больше тебе скажу, даже в спальню».

«Ахах, это интересно».

«Жаль только, что в замке не живут люди».

«Зато здесь живут те, кого мне надо уничтожить. И такая плюшка в виде магического зрения мне очень даже нравится».

Пытаюсь понять, как это работает. Вижу явно не глазами. Скорее обзор прямо в голове — и заодно чутье на чужое присутствие.

Так, рядом с тронным залом — коридор, где я завалил двух гоблинов, попробую попасть туда.

Сосредоточился.

Внутренний глаз сфокусировался на тронном зале и поплыл дальше. Как в игре — все от первого лица. Вот коридор. Пусто, никого. А на месте, где валялись трупы гоблинов, осталось легкое свечение.

Может, это след их жизненной силы?

«Конечно, жизненная сила», — внутренний голос поддает. — «Интересно, а кто помог с ней расстаться?»

«Блин, хорош, они напали первыми».

«Именно поэтому ты и раскроил им головы».

«Так было нужно, я защищался».

Отголоски совести все еще призывают меня к ответу.

Откуда-то долетает шум. На самом краю слышимости.

Стоило подумать — карта отъехала, показала замок целиком. В коридоре на моем этаже замаячили две зеленоватые точки.

Гоблины.

Видеть не видел, но чувствовал. Знал, что эти точки — гоблины: карта сама подсказывала. Может, потому что зеленые?

Ползают недалеко. Обнаружат — мне край. Хотя спрятался я неплохо: дорогу к логову размел от пыли, чтоб свежих следов не видеть. Но запах... запах никуда не денешь.

«А нюх как у собаки, а глаз как у орла», — снова слова из мультика детства.

Если они пройдут мимо меня и почувствуют легкий утонченный аромат немытого тела после трех дней беготни...

Ммм, думаю, сначала слезы брызнут из их глаз от счастья, что нашли, а потом, отдышавшись, ломанутся опять меня убивать.

Работаем на опережение, тем более призрак говорил: забирая жизнь другого, ты забираешь его силу.

Выйдя в коридор, я двинулся навстречу гоблинам. Идти прямо на врага — мысль, конечно, идиотская. Но азарт

от предстоящей схватки перекрывал здравый смысл. Как вспомню тех людей на арене — так просто перемыкает. Если бы я мог спасти хоть одного. Да только ни оружия тогда не было, ни сил. А вот теперь — другое дело.

Есть, конечно, примеры из истории, когда и один в поле воин. Как Гораций Коклес — римлянин, сдерживавший армию этрусков в десять тысяч человек. Но он там мост разрушил. У меня моста не было, пришлось пока повременить с разносом в ключья армии гоблинов. А ушатать двоих-троих я мог — и еще как.

Шел осторожно, сверяясь с картой в голове. Гоблины должны быть за следующим поворотом.

«И что? Так и пойдешь со своей подставкой?»

«Так и пойду», — мысленно ответил я себе.

«Хорошая подставка, надо отдать должное кузнецу».

«Зеленые особым интеллектом не обременены, может, внаглуую?»

«Почему бы и нет?»

«Ну, нет, так нет», — хохотнул я про себя и вышел из-за поворота.

Гоблины заметили меня не сразу — увлеклись своим попискивающим разговором.

— Эй, ублюдки, what are you doing now? — выдал я вслух.

«Ты серьезно думаешь, что они знают английский?» — тут же отозвался внутренний голос.

«Ну мало ли, вдруг они в школе учили».

Гоблины громко заорали и кинулись на меня.

Я быстро отбежал за угол, прижался к стене и замер в ожидании.

Карта работала как надо. Воочию я их не видел, но точки уверенно ползли к повороту. Дождавшись, пока враги подойдут вплотную, я вслепую рубанул на уровне головы — и угодил острием прямо в глаз. Кровь брызнула на лицо, потекла по руке. Гоблин хрипнул напоследок и тяжелым мешком осел на пол. Мой клевец — бывшая подставка под факел — намертво застрял в черепе и рухнул вниз вместе с ним.

Как говорил капитан, инструктор по рукопашке в армии: «Запомните, солдаты, для того чтобы вступить в рукопашную на кулаках, боец должен потерять автомат, нож, саперную лопатку и на чистой земле, где не растет ни одного дерева, не лежит ни одной палки и камня, встретить такого же раздолбая».

У меня выбора не было, и чисто на автомате, рефлекторно, я зарядил второму гоблину с ноги прямо в «душу».

Его как ветром сдуло. Он изогнулся в воздухе, шлепнулся на спину, неловко подвернув ногу.

Копье отлетело.

Я шагнул к нему с намереньем свернуть шею.

Гоблин охренел от такого расклада, и это знатно прибавило ему прыти. Не успел я дотянуться, как тот подскочил и побежал по коридору, истошно вереща что-то неразборчивое.

Гнаться без толку: улепетывает, гад, любо-дорого.

Я осмотрелся.

В чем-то призрак прав — воин из меня никакой. Зато кузнец я знатный. Реконструкторы в очередь стояли за моими клинками, а это о чем-то да говорит. Ну и на досуге я учился владеть всем, что ковал: не зная, как оружие работает, путевого не выкуешь.

И вот что-что, а метательное оружие я любил.

На глаза попалось гоблинское копьё — кривое, косое, но пойдет.

Взвесил в руке, почувствовал баланс.

Бросок!

Копьё летело как в слоу мо, то есть в замедленной съемке. Медленно вращаясь вокруг своей оси, наконечник стремился к цели. Я уже видел, как он пронзает спину гоблина. Но кривое древко изменило траекторию, и оружие воткнулось в ногу, на которую тот прихрамывал.

Он падает, словно ему поставили подножку, и, не переставая визжать, начинает ползти, пытаясь скрыться.

«Как худая баба на базаре, та и то тише орет, — подытожил внутренний голос. — Пора его кончать».

Догнав врага, я сдавил ему шею до хруста. Гоблин захрипел, перестав верещать, его глаза полезли из орбит.

«Ну не тут же их оставлять, спалишь убежище».

«Там вроде с другой стороны стены пропасть была?»

«Вот туда и скинь: и птиц накормишь, и следов не оста-

вишь».

«М-да, сильно ты, Денис, изменился за последнее время».

Не отпуская шею, потащил гоблина к лестнице на стену. По пути прихватил второго, уже мертвого. Удивился, до чего легко они тащились — возросшая сила давала о себе знать. И все же подъем по крутым ступеням с двумя телами заставил попотеть.

Вид открывался потрясающий. С обратной стороны замка были почти отвесные скалы, внизу заканчивающиеся россыпью огромных валунов, дальше не разглядеть. Сбросив тела вниз, я слегка удивился, услышав вдруг слабый крик. Задущенный, что ли, живой был? А, все равно — после удара о камни звук оборвался.

Ну вот и отлично. Следы убрал, теперь если и будут разлагаться, то вони на весь замок не предвидится.

Я отправился обратно — не бросать же оружие, хоть и дрянное.

Подобрав копья, понимаю: их надо припрятать. Да и место менять пора. Нынешнее становится небезопасным.

Углубляюсь в карту. Недалеко от логова — отдельное крыло. Точек ноль, значит, и зеленые туда не суются. Самая дальняя комната вдобавок прикрыта другой — если что, отходить удобно.

Ну, пошли, Денис. Правда, через каждые десять метров приходится сверяться с картой: дальше двадцати я пока не чую.

Вдруг в голове появляется множество красных точек. Машинально вскидываю копье.

Блин, это птицы, походу, судя по хаотичному передвижению.

Ну вот, и столовая недалеко, а то уже кишка кишке бьет по башке.

Минут через тридцать дошел. Комната просторная, прикрыта общим выходом в коридоры. Целых шесть — уйти можно легко и непринужденно.

В облюбованном помещении ни одного окна, вход только один. Это мне на руку.

Эх, помыться не мешало бы. Но ванны тут, конечно, нет. Зато нашлось подобие камина — как я определил сперва на глаз, а потом и на вкус. Золу ни с чем не перепутаешь.

Собрав щепу и труху от ближайших дверей, развел огонь. Дым уходил вверх и, по идее, таял незаметно — на улице снова лило как из ведра.

Выждал минут сорок.

Тишина, карта тоже молчала.

А теперь — в душ.

Вышел на стену прямо в одежде, сорвал пучок жесткой травы и принялся остервенело оттирать грязь под дождем. Затем скинул все с себя и с огромным удовольствием подставил разгоряченное тело под студеные струи. Радует, что теперь есть где согреться и просушиться.

Вместе с грязью с меня словно смывалось что-то лишнее.

То, что совершенно не нужно в этом новом мире.

Вернувшись, развесил вещи у очага, сам уселся рядом. На улице продрог, но терпимо — сказались годы закалки.

Помнится бывало: зима, мороз за тридцатник. Только отковал заготовку, употел насквозь. Выскакиваю в безрукавке на крыльцо, скидываю ее прямиком в сугроб и с великим удовольствием растираюсь пушистым снегом. Мимо шли две девчонки: сперва уставились в шоке, затем прыснули. Типа, совсем мужик из ума выжил. А вот, поди ж ты, пригодилось.

Подкинул гнилушек в камин, однако сильно растапливать не рискнул. Как говорится: береженого бог бережет, а небереженого конвой стережет. Одежда слегка схватилась, решил досушивать прямо на себе.

Пока грелся, вертел гоблинское копьё. Такой кустарщины в жизни не видал. Древко — свежесрубленная ветка. Наконечник из кривого сырца, кое-как отбитого камнем. Метать эту дрянь, как я уже понял, без толку. И колоть в ближнем бою не вариант — все равно что палить из винтовки со стволом, загнутым вправо градусов на тридцать.

Может, они косоглазые? Как в старом анекдоте, где муж думал, что косая жена ему подмигивает.

Эта мысль меня развеселила. Сон как рукой сняло. А может, сказывался подарок призрака? Кто теперь разберет. Вдруг чужая сила перешла ко мне после убийства тех двоих? Словно энергетика хлебнул. Хотя сроду эту химию не любил

— проняло в юности, когда увидел на складе просроченный ящик с прожженными до дыр алюминиевыми донцами. Но сейчас любой прилив бодрости жизненно необходим.

За мыслями не заметил рассвета. Уже утро, а я третий день маковой росинки во рту не держал.

«Сколько там человек может вытянуть без еды? Месяц?»

«Ты сдохнешь через пару недель», — «обрадовал» внутренний голос.

«Пора на охоту».

Выходить не страшно. За ночь пару раз трубил рог — видимо, приволокли новых пленников. Но звук доносился из противоположного крыла замка. Карта молчала, не показывая никакого движения поблизости.

«Если в ближайшее время не поем, на саму охоту сил не останется».

«Давай, Дениска, давай. Это тебе не двадцать первый век. Шевели булками».

«Так точно, товарищ Внутренний Голос».

Комната с недавно замеченными красными точками находилась неподалеку. На перекрестке свернул во второй правый проход. Сверяясь с картой, отсчитал шагами метров пятьдесят и замер за пару метров до входа в местный птичник.

Загрохочешь ботинками — и дичь спугнешь, и гоблинов созовешь. Двинулся тише, крадучись подобрался к проему. Осторожно заглянул. На обломке кладки сидели твари, лишь

отдаленно похожие на птиц.

Настоящая смесь бульдога с носорогом. Точнее мини-птеродактиля с акулой... Длинные острые клювы усеяны внутри множеством щучьих зубов. Перья облезлые, местами стертые до голой кожи. В воздухе эта напасть держалась за счет кожистых перепонок. Длинные лапы венчали три толстых когтя — каждый больше пальца взрослого мужика.

Добыча так себе. Но выбирать не приходится.

Метнул копье — больше, чтоб шугануть стаю, а в суматохе сцапать и придавить хоть одну. Надеяться на точный бросок

такой кривой палкой — глупо.

Твою ж...

Я ждал чего угодно, только не этого.

Облезлые твари даже не дернулись — синхронно повернули головы и уставились на меня, будто я им денег задолжал. Самая крупная гаркнула что-то из репертуара отечественной попсы, и вся стая ринулась в атаку, грозно щелкая клювами.

С перепугу я изловчился перехватить первую подлетевшую бестию за ногу и принялся отмахиваться ею от товарок. Быстро смекнул, что проигрываю вчистую, швырнул живую дубинку в морду ближайшей — и поступил как истинный благородный пират: дал деру.

Отсидевшись в укрытии с полчаса, на цыпочках поплелся обратно. Жрать хотелось невыносимо.

Птицы исчезли, оставив мне лишь полуобглоданный скелет своего нерасторопного собрата.

Эх, а вот это обидно...

Забрав жалкие объедки, вернулся в берлогу и решил поджарить остатки плоти на углях.

Пока глодал кости, накатила глухая тоска. Вот до чего докатился. Уважаемый человек, учитель, мастер-кузнец, оружейник... Сидишь теперь в пыльной норе и обсасываешь костяшки непонятного мутанта.

Впрочем, толика мяса там нашлась.

Червячка заморил — и настроение слегка поползло вверх.

Собрал немного дождевой воды, запил ужин. Тут же на-

чало клонить в сон.

«А как же теория насчет энергии?» — снова прорезался внутренний голос.

«Какая такая теория?»

«Ну как же: уничтожаешь врага — забираешь его духовную силу. Арген же говорил».

«Надо же, еще и имя его запомнил. И что?»

«Не тупи. Может, проверим?»

«А ведь хорошая мысль».

Я встрепенулся. Можно побродить по коридорам, разведать обстановку, а заодно поискать приключений на пятую точку.

На улице стемнело, но кремешная тьма мне не грозила: в сумраке замка глаза легко различали препятствия. Шел и вслушивался — в себя и в каждый шорох. Пока тихо. Один раз наткнулся на кучку гоблинов, но те дрыхли. Сквозь стены я их не видел — зато четко видел на карте. Подбираться не рискнул. Еще пару раз карта высвечивала мелкие отряды, тоже спящие. С ними мне было не совладать.

Уже на обратном пути на самом краю карты загорелась точка. Одинокая.

Это шанс.

Я ускорил шаг, насколько позволяла обстановка. Заметив, что точка приближается, сбавил темп и пошел крадучись.

Из-за поворота на стены легли неверные блики факела. Вражина засел там.

Осторожно выглянув, заметил гоблина. Уродец сидел на корточках перед стеной и сосредоточенно в ней ковырялся. Вчерашний день потерял? С чего бы ему шататься здесь обособленно? Подозрительно.

Пока подбирался, рассматривал его: поковырявшись в стене, гoblin стал облизывать стену.

Чем бы он стал заниматься со стеной дальше, узнать мне было не суждено: я метнул это несуразное копье.

Все по классике: вместо того чтобы пронзить жертву точно между лопаток, древко вильнуло в полете и намертво вонзилось гоблину прямо в зад. Аккурат в правую ягодицу.

Если он сейчас заорет — мне трындец.

Одним прыжком покрываю последний метр и обрушиваюсь на врага. С ходу долблю его подставкой, не выпуская из рук, — славная вышла дубинка. Лупил с остервенением. Будто в этом жалком гоблине сошлось все мировое зло. Тварь давно испустила дух, а я все месил его голову в кровавую кашу.

Наконец отвалился в сторону.

Оглядел себя: весь в крови.

Зато в тело словно воткнули шнур мощного зарядника: усталость исчезла.

Магия работает, черт возьми.

Теперь можно подумать.

Та-а-ак, и что же он тут забыл и чего ковырялся? В свете факела заметил отходящий от стены камень. Вытащил блок,

а там в нише таились две монетки. Одна похожа на половину земной, цветом отдавая в золото. Вторая ромбическая, явное серебро. Без местной экспертизы точнее их ценность не определить.

С добычей я вернулся в комнату. Уселся у огня и задумался.

«Да, Денис, есть черные археологи, есть белые, а ты красный. Ради монет жизнь загубил», — упрекнул я себя.

«Я должен уничтожать этих тварей. И чем больше, тем лучше».

«Хотел ли ты такой жизни?»

«Точно нет».

«Может, сдашься?»

«Ни за что».

Буду биться до конца.

Я никогда не опускал руки, что бы ни происходило. Не сдамся и теперь! А если уж суждено сложить здесь голову, прихватчу с собой как можно больше этих тварей.

Я потянулся к очагу, чтобы поправить поленья и подпалить солому для растопки. Неожиданно с пальцев сорвался сноп искр, и сухая трава мгновенно занялась ярким пламенем.

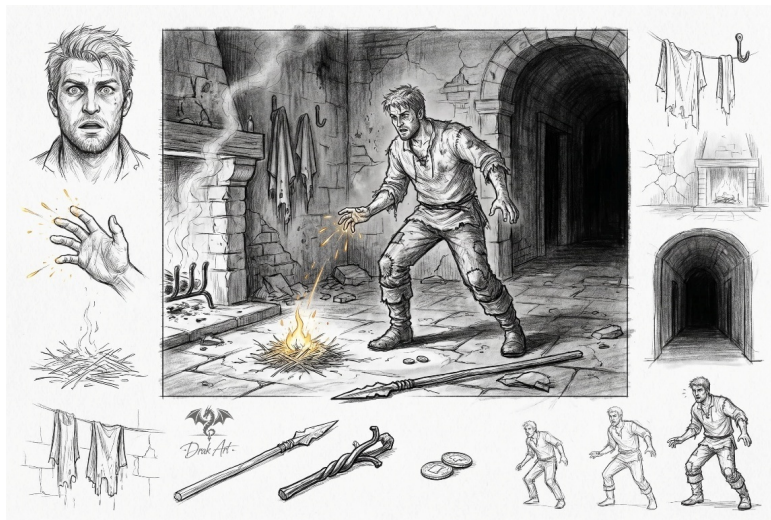
Я резко отшатнулся.

Ни хрена себе!

Вот это поворот... Прямо из рук искры сыплются!

Я ошарашенно смотрел на свои ладони. Вот это подаро-

чек. Внутренний огонь... Призрак говорил об этом... Я решил, что это метафора, а вон оно что...

Осмотрел кисть.

Надо же, совершенно целая. А я уж испугался, что спалил кожу до костей.

С таким козырем в рукаве выжить куда проще.

Прав оказался маг: чем больше убиваешь, тем быстрее растет твоя собственная сила.

Плохо это или хорошо — пока не знаю. Но конкретно в моем положении любая магия — это шанс. Как бы мрачно

это ни звучало.

Глава 5

Сколько я так просидел — не знаю. Смотрел на огонь в камине, огонь поглядывал на меня.

Искры из руки...

Я повелитель огня.

Вот это ништяк — теперь могу разводить горн без всяких зажигалок.

Просидел пару часов, запуская искры.

Как правильно назвать этот процесс, еще не придумал. После того, как получилось поджечь солому, на сколько хватит сил?

Я концентрировал волю и запускал искры в огонь, тот разгорался ярче. Искры были катализатором, который раскрывал всю силу огня.

Один раз пыхнуло так, что чуть не сожгло мне брови...

Парнем я рос любознательным, а дед был заядлым охотником. Решил я подрезать у него пороха, для проведения эксперимента. Дело было нехитрое, но довольно опасное. Если бы дед спалил, как я реквизирую банку с порохом, вломил бы мне по первое число.

Насыпав приличную горку пороха, сделал дорожку к ней. В предвкушении зрелища я чиркнул зажигалкой... Доля секунды понадобилась, чтобы охренеть. Порох сгорел, а с ним сгорели и мои брови, ресницы и едва пробивающиеся усы.

Так что с искрами надо разобраться сразу...

Стрелял я в костер, если так можно выразиться. Стрелял по сторонам.

Пых.

Мох, лезущий по стене и на швах, занялся, и пламя весело побежало по стене — точь-в-точь змейка на «Нокии 3310». Хороший был телефон: и позвонить, и гвоздь забить, и от хулиганов отбиться.

Жарко стало..

Спалив мох на стене, стал проверять дальность работы.

Начал метров с двух.

Борщанул.

Никакого эффекта.

С расстояния сантиметров двадцать — тридцать мох загорался.

Прицельная дальность до тридцати сантиметров, вывод окончателен.

Запустил фейерверк раз двести триста.

А что, прикольно же.

Несколько часов прыгал по комнате, стрелял из рук, как Человек-паук, только огнем и не паук. Ресурс не иссяк. Часа на два действия рассчитывать можно. Главное — чтоб не подвел в самый неподходящий момент.

За изучением нового дара чуть не упустил главного.

Куда пропал внутренний голос?

«Ау? Ты где?»

«Тут я тут, что уже соскучился?»

Я выдохнул. Все норм, с ума не сошел — как и раньше, говорю сам с собой. Странно, может, но я так привык размышлять. Такой вот вариант нормы, за годы работы в кузне привык проговаривать порядок действий вслух. Вошло в привычку.

Я оттачивал мастерство огня. Это как с ковкой клинка. Делаешь попытку за попыткой, пробуешь разные сорта стали, свариваешь их, пока не добьешься своего — клинка, который и императору подарить не стыдно. Который с одинаковой легкостью и упавший волосок разрежет, и вражеский меч перерубит, не дав противнику ни шанса.

Надо навести порядок. Обжиться.

Решил проверить еще раз отходы и входы. Нашел странный лаз, в который я бы не проник, а вот кто-то мелкий смог бы.

Подпер его плитой. Она тут от стены сама отвалилась, тяжеленная, я еле допер. Прислонил так, чтоб, если кто снаружи толкнет, она с грохотом и поехала. Разбудит. Не защита, конечно, смех один. Но мне сейчас любой смех в плюс.

Еще раз прошелся по своей берлоге.

Из дыр тянуло холодом, сквозняк гулял понизу. Натолкал тряпья, что не пошло на лежанку, позатыкал щели как смог. Ноги у меня мерзнут вечно, еще с армии повелось, отлежал когда-то на холодной земле, с тех пор и пошло. Но зато болею редко.

Клевец заодно подточил, сколько вышло, об угол камня. Точило бы нормальное, совсем другой разговор, а так, на коленке, лишь бы не совсем тупой. С тупой железякой много не наработаешь. А эта подставка для факела мне тут и меч, и топор, и палица — все в одном. Привык к ней уже, как к родной, рука сама ложится.

С камином я провозился дольше всего, и он меня прям выбесил.

Дрова горят, а в комнате дым коромыслом и холод собачий. Я сперва решил — дрова сырые. Потом подумал на трубу. Сидел, шурился, кашлял, слезы текут... Минут пятнадцать, наверно, тупил, пока не дошло до меня очевидное: тяги нет. Воздух не идет, и весь сказ.

Ну вот это уже моя епархия. Я ж не только историю детям вдалбливал, я у горна полжизни отстоял. Без тяги горн — не горн, а чадилка. Полез в дымоход рукой, не достал, взял палку подлиннее от копья осталось. Там наверху наглухо засело что-то, не разобрать что, слежавшийся комок с костями вперемешку. Тыкал, тыкал, и вдруг — пошло. Сверху мне на голову ливануло трухи, я отплевался, обложил все матом, но тяга появилась. Огонь выпрямился, дым потянуло вверх.

Стало теплее. Вот и славно.

Лежанку сложил из того, что по углам валялось. Гоблины тут или кто раньше ошивались, даже не знаю. Шкуры драные, тряпье, прелая солома. Воняло от всего этого как от гоблинов, чем же еще. Перетряхнул, пыль повыбивал древком,

навалил погуще, куртку сверху. Лег — спина не на голом камне, и спасибо. Я и на земле спал в свое время, не развалился. Полежал, в потолок потарачился. Темный, весь в копоти. У меня дома над кроватью трещина была, я ее годами разглядывал, форму наизусть знал. Чего вдруг про нее вспомнил — сам не пойму. Дурь всякая в голову лезет, когда тихо и делать нечего.

Пить захотелось.

А уж про жрать вообще молчу.

Чтоб отвлечься, достал монеты, повертел в пальцах от нечего делать. Одна желтая, другая белая, с ромбом. Золото, или нет — я не ювелир, не разберу. Дома бы оценщику знакомому показал... тьфу. Какой оценщик. Нет ни дома, ни оценщика, ни знакомого.

В животе заурчало так, что я уже всерьез боялся гоблинов приманить на этот концерт.

Что там на карте, ну-ка...

Оп-па, какая-то точка заметалась мелкая.

Я подобрался, выглянул из-за угла.

Крыса. Здоровая, с кошку, если не больше. Облезлая, хвост как веревка волочится. А тут стою, смотрю, и в голове одно: мясо.

«Серьезно, что ли?».

«А что, рябчиков подвезли?»

«Крысы в средневековье чуму разносили, алле, гараж, есть кто дома?»

Что ж, мысли здравые.

Крыса тем временем вылезла, обнюхала все и ускакала.

Ладно, придумаем что-то еще.

Как говорил... Хотя никто так не говорил, я первый скажу:

— Не крысой единой жив человек.

Пойду охотится теперь на гоблинов.

Карта в голове стала чем-то вроде шестого чувства. Я мониторил ее уже на автомате.

Четыре точки. Недалеко. На краю стены.

Можно попробовать разделить и сразу сила прибавится. Не еда, конечно, но все же энергия.

«Итак четверо гоблинов на стене. Может быть, исследуют территорию?»

«Ерунда какая, они тут живут. Ты же не исследуешь свой дом каждый день? Хотя от тебя можно ждать чего угодно.»

«Началось... Я не об этом. Теоретически могут выслеживать меня, а это значит только одно. Трындец вам, зеленые.»

Кстати, после того, как перенесся, внутренний голос стал отчетливее. Может духовная сила? Призрак про это говорил.

А был ли призрак?

Был и это не глюк.

Еще бы одного такого благодетеля.

Призраки призраками, а с материальными гоблинами надо разбираться. Но в лоб действовать не буду. Умный в гору не пойдет, умный гору... подорвет, разберет, прокопает тоннель.

нель и в любом случае доберется до противоположной стороны.

Лихим галопом я вышел недалеко от места дислокации зеленых.

Уродливые твари о чем-то оживленно трещали. Язык мне был непонятен, но по интонации — либо попойку обсуждают, либо баб, женщин то есть.

Хотя какие там у них женщины...

Гоблины верещали и с места не двигались. Я наблюдал за ними и по карте, и воочию. Надо их изучить.

Зная врага, ты уже наполовину победил. Однако и недооценивать противника не стоит.

Речь их напоминала скрип несмазанной телеги, в которой столетний дед полощет в стакане вставную челюсть, дергая за хвост бедную животину.

Пока я обдумывал и присматривался, один из зеленых отделился от группы.

Идет в мою сторону. Я отступил вглубь прохода, затаился в боковой нише. Идти ему оставалось метров двадцать.

Шарк. Шарк. Шарк.

Шаги все ближе. Меня начало потряхивать, прилив норадреналина готовил тело к бою.

Ну давай, еще чуть – чуть. Уже почти.

Когда до меня оставалось, пару метров, я рванул вперед.

Глаза гоблина расширились, рот приоткрылся для предостерегающего крика — да поздно. Пальцы сомкнулись на его

шее, придавили связки до сипа. Другой рукой я прихватил его за плечо и резко дернул голову вбок и вверх. Будь на его месте человек — шею бы не свернул. Но эти твари помельче. Гоблин обмяк. Копье поползло из ослабевших рук — я подставил ногу, и оно, мягко стукнув по ботинку, осталось лежать.

Оставшиеся уроды в мою сторону не смотрят.

Что же делать?

Лучшая защита — нападение. Быстро перетащил уродца, привалил к сломанному зубцу. Будто приморился и сел вздремнуть. Копье вложил в руку — для достоверности.

Оставшаяся троица его отсутствие в итоге заметила. Стали возмущаться. Орут что — то типа: «сфигали там расселся, иди сюда собака сутулая».

Меня это тарактенье прямо развеселило.

Я ждал пока они подойдут, стоя напротив зубца и укрывшись за выступом.

Пришлепали они и встали полукругом. По-прежнему верещат. Сейчас прекратим.

Нога взлетела, как хороший таран, и врезалась в спину среднего так, что тот, нелепо взмахнув ногами, перелетел за зубцы и скрылся за ними.

Можно кавер на песню Буйнова сочинить:

«Лица зеленые над пропастью кружатся.

С тихим шлепаньем на камушки ложатся.

От ноги моей не спрятаться, не скрыться.

Лица зеленые, скажите что вам....»

Дальше не придумал, не успел. Двое оставшихся удивленно повернулись ко мне. Вытаращились и попытались перейти к неприятным для меня действиям.

Вот уж хренушки.

Я схватил их за лица и почти без напряжения оторвал от земли.

Сбросить вслед за первым?

А может лучше попробовать приобретенный магический навык?

Его величество эксперимент.

В лица гоблинам хлынул поток искр. Твари задержались, забились, выронили копья. Один вцепился мне в руку — оторвать ее от своей морды. Не тут-то было. Искры били и били, пока зеленые не обмякли. Скинув их следом за первым, я присел у зубца. Взгляд упал на того, что так и сидел у стены, будто искал утешения в стране Морфея.

Ругнувшись, поднял его и, не глядя, перебросил через край, даже не вставая с корточек. Шмякнуло так, будто упал он прямо на своих.

— Страйк.

Оглядел руки. Ничего. Ни ожогов, ни копоты — даже волоски не обуглились. Зато вонь горелого мяса стояла такая, что хоть прищепкой нос зажимай.

Запах, конечно, жуть...

Вот бы в баню сходить.

Кстати, тут же где-то рядом яма с водой была.

«И как я раньше не додумался помыться там?» Сам собой возник вопрос.

«Куда уж там, тебе бы только гоблинов поистреблять». Сам – собой возник ответ.

К бочке я шел в надежде, что вода не испарилась. И не прогадал. Выдолбленное в камне корыто, широкое, но мелкое — литров на двести.

Зачерпнул воды ладонями и с наслаждением плеснул себе в лицо.

М-м-м-м... Какая теплая и приятная вода.

На карте было пусто, и я с наслаждением намывался, плескался и отфыркивался, как большой лохматый пес.

После частичной помывки, собрал выпавшие с гоблинов трофеи, вернулся к себе.

Сел у огня.

Пора рассмотреть добычу.

Сегодня побогаче, чем у того у стенки.

С одного слетела сумка. Грубая, кое-как сшитая из сукна. Внутри — гоблинская снедь: что-то отдаленно мясное, сушеное, какие-то местные фрукты, если их так можно звать, и грибы. Мясо я сразу швырнул в огонь, туда же метил и грибы — есть чужие незнакомые грибы чистое безумие, — но, подумав, оставил их с фруктами. Припрятал в нишу над камином. Разбрасываться едой в моем положении глупо.

Что, больше ничего нету?

На всякий случай встряхнул сумку — и под ноги что-то выпало, неярко блеснув. Поднял: не то ожерелье, не то амулет. Из незнакомого минерала, грубой работы, нанизан то ли на звериную жилу, то ли... На что еще — думать не хотелось.

Безделушка какая — то, примитивное украшение.

И тут амулет попал в поле действия карты.

Охренеть.

На карте он издает слабое свечение. А когда смотрел на гоблинов раньше он не светился.

Спустя час размышлений, я понял.

Это же, походу, маячок. Или кнопка вызова подмоги — которую они и нажали. Так или иначе, средство связи: не объявятся эти четверо — пойдут искать. А вот это уже скверно.

Вспомнился тот гоблин с золотыми монетами. Он ведь тоже сперва стоял и облизывал стену. Может, из-за мха? Не хватает им чего-то? Или торкает с него?

«Тоже стену хочешь облизывать?» — подколот внутренний голос.

«Думаешь, это решит мои проблемы? Или прибавит новых?»

«Жизнь она такая. Только ты начинаешь у нее выигрывать в шахматы, как она начинает играть с тобой в карты»

Так, надо припрятать этот амулет и желательно подальше от моего схрона. На всякий случай.

Отойдя от своей комнаты на порядочное расстояние, я

спрятал амулет и отправился обратно. В этот момент на карте появилась группа гоблинов количеством пять человек. Они направлялись, явно ориентируясь на амулет.

Ну что ж. Можно и этим организовать встречу с их богами.

Вернулся туда, где спрятал амулет. Осмотрелся, ища место для засады. Я ведь как-никак Homo sapiens — человек разумный.

Ничего подходящего...

«Ты как индеец Зоркий Глаз, тот тоже только на пятый день увидел, что в сарае не хватает одной стены и сбежал. Посмотри — у входа арка, за ней сто процентов есть ниша с выходом в коридор».

За аркой действительно оказалась скрытая ниша, причем с двойным выходом. Можно было попасть и в соседнюю комнату, и в коридор.

Лучше места не найти.

Я затаился.

Зеленые приперлись, как зебры на водопой. Фыркали, галдели, явно возмущались. Они шарились по комнате, но ни амулета, ни тем более друзей своих найти не могли. Роптания нарастали, пропавший патруль стал нехилой для них проблемой.

Подождем.

Поиски успехом не увенчались, и гоблины потянулись к выходу. Стройным шагом кривоногие топали мимо меня.

Первый. Второй. Третий. Четвертый.

Я приготовился.

Когда поравнялся последний, точным ударом всадил ему в шею наконечник копья. Гоблин забулькал, будто захлебнулся, сделал пару шагов и рухнул.

Остальные пропажи не заметили. Голоса удалялись.

Что ж...

Чтоб истреблять зеленых с толком, мне надо их понимать: уклад, повадки, как несут службу. Знать как можно больше. Буду наблюдать.

Голоса зазвучали визгливее.

Видно, не досчитались. Возвращаются. Злятся, найти не могут. Ближе. Орут уже рядом. Вот один натывается на убитого. Зовет остальных. Недоумение, злость, даже страх в голосе.

Удаляются, смотрю им вслед, тащат убитого за ноги, и даже не оборачиваются.

Нда, прям и не знаю, какой противник лучше, умный или тупой. Умного можно заставить ошибиться, тупого можно перехитрить. Правда тупой может еще и попросту затоптать толпой и дело с концом.

Главное, чтобы полудурками не оказались. Как говорил один мой знакомый: «Полудурок, Денис, самый страшный человек. С умным можно договориться, дурака можно обмануть. А с полудурком ни то ни се.»

Интересно, я тут еще кого – либо встречу. Если есть го-

блины, то возможно появятся и орки и огры и еще хрен знает кто. Надо быть готовым ко всему.

После всего этого жрать захотелось втройне. Пора полакомиться птичками — правда, тактику сменим. Раз эти отвратительные создания очень агрессивны, надо применить элемент ошеломления. Сбить с толку.

Добираюсь до комнаты с птицами, залетаю туда на всех парах и начинаю сыпать искры во все стороны.

Что тут началось...

Птицы сорвались с мест, захлопали крыльями, заметались. Одна, слепо рванув вверх, со всего маху впечаталась в камин — точь-в-точь как у меня в убежище. Приложилась знатно и замертво рухнула. Пока не оклемалась, добиваю наконечником факела. Подхватываю тушку и сваливаю, чтоб самому не пойти на корм крылатым.

Ободрав добычу прямо в комнате, насаживаю мясо на обломок древка и ставлю над огнем.

М-м-м, запах просто одуряющий. Несет так, будто я от души плеснул ацетона, а сверху еще и стеклоочистителем приправил.

И вот под этот химический аромат меня и потянуло на воспоминания. О настоящей еде. Лето у бабушки в деревне, баранина.

«О, баранина. Это же совсем другой разговор», — оживился внутренний.

Бабушка держала овец. Были среди них всякие, а был Яш-

ка. Здоровенный баран, рога витые, морда вечно насупленная, будто весь мир ему задолжал. Вредный, каких поискать, — его вся улица знала и обходила стороной.

Меня к нему пацаном приставили, сено кидать. Наука простая, мне ее раз десять вдолбили, прежде чем пустить в стойло: заходишь, оттесняешь его ногой в дальний угол, бросаешь сено и пятишься к выходу — лицом к нему. Спиной не поворачивайся. Никогда.

Все я сделал как велено. Оттеснил, сено кинул. И тут на секунду отвлекся — во дворе собака забрехала, я и обернулся на звук. На одну секунду всего.

Яшке хватило.

Рванул с места так, что солома из-под копыт брызнула, и поддал мне рогами пониже спины. Я через весь загон вылетел, дверь лбом распахнул. Повезло, снега за зиму намело выше колена — приземлился в сугроб, а то пересчитал бы зубы об забор.

Етить-колотить.

А придурошный этот баран почуял свободу.

Ворота нараспашку — он и пошел гулять. Только во дворе на него собаки надели, учуяли, что хозяин нынче не при делах. Яшка попятился, задницей подпер дверь в хлев, голову набычил: ну, подходи кто смелый. Так и встали. Баран дверь держит, собаки вокруг заливаются, а ближе сунуться ни одна не решается. Рога у него и впрямь были будь здоров.

Чем бы все кончилось — не знаю. Но вышла бабушка, взя-

ла Яшку за рог и увела, как на веревочке. Его после этого даже собаки зауважали.

Меня тогда никто и не ругал, что характерно. Дед только хмыкнул в усы: «Сам виноват. Говорили же — спиной к нему не вставай».

Говорили. И я эту науку запомнил намертво. Чего уж там — задницей запомнил, надежнее всякой тетрадки.

Я с тех пор спиной ни к кому не люблю поворачиваться. Привычка с детства. Спасибо, Яшке, удружил.

А баранина у бабушки была аж язык проглотишь. Котлеты особенно.

Эх-х...

Не то что вот это сушеное недоразумение на копье.

«Жуй давай, гурман, — буркнул внутренний. — Что дали, то и есть».

Пожарилась птичка довольно быстро.

Снимаю с огня и, роняя слюни на пол, вгрызаюсь в этот кулинарный шедевр. Да, отвратительно, но жрать хочется безумно.

Так что куда там вашей мраморной говядине. Даже котлетки из Яшки с этим не сравнятся.

Perfecto! Жесткие прожилки застревают в зубах, мясо хрен прожужешь. Давишься, глотаешь кусками. И кайфуешь от того, как с каждым проглоченным куском в желудке растекаются сытость и покой. Обсосав последнюю косточку, я только хотел было прикорнуть, но глянул на карту.

Ого...

Штук пятьдесят гоблинов, если не больше.

Такую орду мне точно не переварить.

Но надо подсмотреть.

Встаю, иду навстречу, держусь поодаль, сверяюсь с картой. Рядом с тем залом, где спрятал амулет, заметил хорошую щель за стеной в темной нише.

Подсмотрю.

Гоблины обыскивают помещения, суются в соседние комнаты с амулетом. Пусто. Один выделяется из толпы: в балахоне он, а не в накидке, а в руках держит дрын, смахивающий на посох.

Неужто колдун?

Встает в позу, машет палкой, бубнит. Ни хрена не выходит. Бесится — и тут хренакс! Бьет ножом гоблина рядом. Наклоняется и одним движением вскрывает бедолаге горло. Зачерпывает ладонью кровь, кропит вокруг, не переставая бормотать. И остальным вроде норм. Разворачивается на пятках и топает в коридор, остальная свора тянется за ним, пока все не скрываются из виду.

Вот же блин. Если они из-за четырех трупов готовы полсотни рыл на уши поднять, что дальше-то будет? Тем более с колдуном в придачу. Надо как-то сбивать их со следа.

А что, если собрать еще таких амулетов и рассовать по разным углам замка?

Годная идея!

По пути назад замечаю две точки в соседнем коридоре.

Решение созревает влет.

Нырнув через проходную комнату, вырастаю у зеленых прямо за спиной. Без лишних сантиментов хватаю левого за башку, приподнимаю и со всей дури бью об стену. Звук даже

не хруст, а влажный хлопок — как перезрелый арбуз лопнул. Второго на развороте, той же рукой, впечатываю локтем в камень. Тот оседает на пол, тарасит глаза, ловит ртом воздух, пытается отползти. С размаха, вложив всю дурь, бью ботинком в голову.

Башка откидывается назад, затылок чуть ли не до спины достает.

Хруст.

Готов.

Пошарил по сумкам. Нашел какую-то вонючую траву. Решаю, что в хозяйстве все пригодится — беру. Трясу суму дальше, на дне нащупываю кожаную флягу, вроде бурдюка.

Вот это тема! А то задолбало на крышу бегать каждый раз, когда в горле пересохнет.

Сгребаю добро и топаю к себе.

Вдруг издалека доносится знакомый звук.

Горн!

Тот самый, в который трубили, когда в прошлый раз пленников тащили.

Мухой лечу на стену — глянуть, кого на этот раз приволокли.

Слегка запыхался. Выглядываю — внизу столпотворение.

Людей нагнали прорву. Трое особенно бросаются в глаза. Здоровенные, руки мозолистые, жилистые — такие бывают от тяжелой пахоты или от махания мечом. Плечи — во! Может, из лучников кто? На каждом кожаная броня с нашиты-

ми железными бляхами. В неверном свете факелов блестят, как чешуя какой-то диковинной рыбы.

Их и еще пару крепких парней гонят в центр. Но сейчас все иначе. Мужики сбиваются спина к спине, грамотно отбиваются голыми руками. Прикрывают друг друга. Броня выручает: копья скользят по пластинам, дубинки вязнут. Тогда гоблины берутся за арбалеты. Тут мастерство не спасает — без хорошего железа против болта не попрешь. Двое падают со стрелами в шее и груди. Остается троица. Двигаются слаженно, берегут дыхание, страхуют друг друга. Одному прилетает копьем под колено — спотыкается, но чудом держится. Упадешь — затопчут. Второму болт входит точнехонько под мышку, между пластин. Мужик на ходу выдирает древко, чтоб не мешало.

Но я вижу по всем их движениям, что они не из тех, кто сдаются живыми. Будут отдавать свою жизнь задорого.

Это воины.

Твою мать!

Помочь бы мужикам!

Дали б им железо, они бы этих зеленых ублюдков в фарш порубили.

Епсель-мопсель, я ж так и не унес копья тех гоблинов, что скинул сегодня со стены! Срываюсь с места. Только б продержались!

Управился за пару минут. Дело дрянь — парни еле на ногах держатся, все в крови. Не раздумывая особо, просто

швыряю им копьа прямо со стены.

Мужики молодцы, не стали клювом щелкать и гадать, что за мана небесная. Подхватили древки — и сразу в рубку.

Удар! Первый зеленый падает с разорванным горлом, земля жадно впитывает черню кровь.

Удар! Второму пробивают грудь навывлет. Харкая кровью, заваливается набок, древко так и торчит в туше. Боец тут же перехватывает копье убитого врага.

Бьются жутко слаженно, как единый механизм кровавой мясорубки. Зеленые валятся снопами. Штук девять положили точно. Но твари перегруппировываются, наваливаются всей кодлой. Людей скрывает копошащаяся масса. Еще пара минут возни — и толпа расплзается. На утопанной земле остаются трое. Да, они дорого продали жизни: за себя забрали на тот свет десятка три гоблинских шкур.

Это были ЛЮДИ. Настоящие вояки. Один поднял на меня голову, когда прилетели копьа, — и хоть далеко было, мы все равно встретились взглядом. Такие глаза я видел у своих, в горячей точке. Там сразу ясно: жизнь или смерть. Маски слетают, наружу лезет вся гниль и вся сталь. Одно хреново — нормального железа под рукой не нашлось. Только это говенное гоблинское древко...

Ладно, пора сваливать.

Зеленые не дауны, смекнут, что железки с неба просто так не падают.

Эх, была б возможность перековать это дерьмо...

Вот же я debil!

Хлопаю себя по лбу.

Перековать! В таком замке по-любому должна быть кузня! И как мне раньше в голову не пришло? Надо ее найти.

Как быть с шумом и дымом - решим по ходу пьесы. Главная цель - кузня. Это задача номер один. А там прорвемся.

Внутри закипает какая-то злая, лютая радость.

Место кузнеца у горна.

И если ради этого придется передуть сотню зеленокожих ублюдков, я им глотки голыми руками порву.

Глава 6

Раз уж было у меня несколько обломков копья да пара дерьмовых кинжалов, снятых с зеленых уродцев, то почему бы и не потренироваться. Без тренировок о хорошем броске на расстоянии пока и думать нечего.

Баланса у этих кинжалов, конечно, никакого. А чтобы приноровиться, надо хоть пару бросков сделать. Не в гоблинов же их сразу метать — эти, заразы, и увернуться могут.

Поэтому я решил сколотить себе небольшой щит. Метать в голую каменную стену — все равно что кидать дерьмо на вентилятор: занятие интересное, но толку ноль. Побродил по комнатам, из остатков досок сладил что-то вроде щита. Прибить к стене не вышло, пришлось поставить на пол. Собрал свои железки, отошел на пять шагов.

Первый бросок.

Бросал с расчетом: нож делает пол-оборота и входит лезвием в противника. Ну или в цель. Делал всё, как учил Арнольдович — мой первый тренер по рукопашке, еще школьный.

Отвел ногу назад, постановка прямо артистичная, упор на правую. Корпус чуть развернул. Клинок зажал в пальцах, лезвием от себя, чтоб самому руку не вскрыть. И, размахнувшись из-за плеча, послал его вперед.

Дзинь!

Нож ударился об доску плашмя и отлетел куда-то в сторону.

Ах ты собака. Так и знал, что с первого раза не выйдет.

Хотя себя я не оправдываю — опыта в этом деле у меня вагон, в армейке еще подтянул.

Был и нюанс — нож больно легкий.

И, скорее всего, бросать его нужно метров с пятнадцати, и не на пол-оборота, а на полтора.

Подошел к щиту.

Отмерил пятнадцать размашистых шагов — они у меня примерно по метру, — снова встал.

В исходное положение. Правая нога отведена. Нож зажат в руке.

«Бла-бла-бла, — тут и проснулся внутренний голос. — Ну что, Денчик? Получается? Это тебе не магазинные ножи, отбалансированные, за пару тысяч. Тут, парень, сноровка нужна».

«Да заткнись ты со своей сноровкой. А то я без тебя не знаю. В детстве, помню, гвозди втыкал. Точнее, все подряд, от гвоздя до топора».

Отвел руку, взмах — нож вылетел, сделал два оборота и благополучно ткнулся в доску рукояткой. Звякнул, отлетел в другую сторону.

«Ну, меткости тебе не занимать, — снова подколот внутренний Денис. — В щит метр на метр пока попадаешь — и

то плюс».

«Вот же, — выругался я. — Чтоб тебя. Совсем навыки растерял».

«Растерял, растерял, — вторил внутренний голос. — Это тебе не в общаге ножницы в шкаф втыкать».

И пока я примеривался к обломку копья, вспомнился случай из студенческой молодости. Жили мы тогда в общаге, и я к другу, к Лехе, зашел. А он сидит и вертит в руках нож. А позади него девчонки крутятся из параллельной группы и в телевизор поглядывают.

— Привет, Леха, что делаешь?

— Да вот, ручка у шкафа отлетела. Как-то открывать же надо... Думаю, нож пока в шкаф воткнуть.

— Вот этот, что ли?

А я к тому времени метать уже наловчился. Беру его фруктовый ножик.

Раз!

Прошелестело.

Удар — и ножик торчит из дверцы шкафа. Беру второй, что на столе лежал, чуть побольше.

Фух.

Два оборота — нож воткнулся. Леха сидит, глаза у него округляются, округляются. Только рот раскрыл, а я со стола ножницы беру и туда же. А напоследок еще и вилку у него из руки выдернул — и в шкаф. Леха посмотрел на меня и говорит: «Да уж, Денчик, не хотел бы я с тобой в темном

переулке встретиться».

А Светка посмотрела на меня крайне уважительно. И на следующий день с радостью пошла со мной в кино.

Хорошее было время. Тогда от моих бросков ничья жизнь не висела.

Наконечник копья — потяжелее. Метать решил за остаток деревянной рукояти.

Отошел шагов на десять.

Подбросил в руке, привыкая к весу. Завел руку за спину. И метнул без замаха.

Глухой стук.

Наконечник вошел ровно в середину доски.

«Ну вот, так бы сразу», — пробормотал Дениска внутри.

«Ну а чего ты хотел? Вес у него совсем другой. А теперь надо, чтобы тело запомнило».

Всадил раз, всадил второй, и пошел набрасывать. Входили как в масло, четко, со стуком — будто я и впрямь на полигоне. Осталось разобраться с ножами. И тут, отбросив всю эту ересь, я просто швырнул, не целясь.

Взял за рукоятку, крутанул раз — и всадил. С десяти шагов.

О, приходит понимание.

Сколько не тренируйся, а отсидеться все равно не получится, ну вот никак нельзя совсем без опасности.

— Сам себя послал в пешее путешествие — так звездуй.

Этим я себя и подбодрил.

После вчерашнего в голове кое-что улеглось. Бегать, прятаться и отбиваться по углам можно, но долго так не протянешь. Надо не только зеленых резать, но и людей вытаскивать, если их еще приведут.

Мир чужой, это да. Но люди везде люди.

И еще одно стало ясно: кузницу надо было искать еще вчера.

Но лучше поздно...

Я обосновался на самом верху замка — какая тут кузня. Уголь для горна наверх не натаскаешься, да и грохот молота с мехами рядом с жильем никому не нужен. Значит, искать надо внизу.

Знакомую часть замка прошел без приключений. Дальше началось обычное местное веселье: одинаковые стены, одинаковые коридоры, одинаковые двери. Будто не замок, а старая компьютерная игра, где соседняя локация отличается от предыдущей только тем, что в ней тебя убьют с другого угла.

Шел медленно, то и дело сверяясь с картой, чтобы не влететь в засаду и не схлопотать копые в задницу. По прикидкам, я уже спустился на первый этаж. Да только толку ноль. Ни угля, ни щипцов, ни кусков железа, ни даже окалины под ногами. Если кузница где и была, то не здесь.

На очередном повороте я едва не запнулся обо что-то железное.

— Твою мать, — выдохнул я. — Еще бы чуть-чуть — и

пал бы смертью храбрых. Морда в камень, ноги кверху. Достойный финал.

Наклонился, поднял железяку, покрутил в руке. Штука знакомая. Только сразу не понял, откуда именно.

«Рессора это, слепошарый. Приглядишься».

И правда похоже.

«Ну да. Только газика рядом не хватает, набора ключей и лужи машинного масла», - огрызнулся я про себя.

«А то, что у карет тоже бывают рессоры, тебе в голову не пришло? Совсем размяк, Денис».

«Я тут пока ни одной кареты не видел. И лошадей тоже».

«Может, их гоблины сожрали. Откуда тебе знать?»

«Может, и сожрали. Не доказано обратное».

На этом спор я свернул. Если это и впрямь рессора, рядом либо повозка, либо кузница. Повозку даже гоблины не поволокли бы внутрь без причины. А вот кузнечная работа поблизости быть могла. Значит, иду правильно.

Прошел еще несколько каморок, заглянул в очередную и в самом углу карты заметил знакомый контур.

Печь.

Сердце у меня дернулось так, будто я уже услышал звон молота.

Потом сообразил, где именно она находится.

Не здесь. Во дворе, в углу. И как назло - на той части замка, которую заняли зеленые.

Вот дерьмо.

Повезло, как утопленнику. Нашел то, что нужно, и сразу понял, что просто так туда не сунешься.

Я постоял, подумал. Народу в замке жило много, хозяйство большое — вряд ли кузница тут одна. Должна быть и мастерская поменьше: для ремонта, подков, мелочи. А если и нет — переть сейчас через ползамка в занятый двор не смелость, а идиотизм.

Значит, так. Эту кузницу запомнил. Потом вернусь. А пока надо искать дальше.

Возвращаться тем же путем — не вариант. Надо оглядеть побольше своих владений. По-хозяйски. В противоположную от берлоги сторону уходило ответвление — туда я и свернул.

Опять однотипные стены. Их что, на 3D-принтере печатали? Углубляюсь в самые недра. Контрольной точкой на карте держу тронный зал — потеряться не вариант.

Чем — то запахло. Железный запах такой...

Как зверь, иду по следу, точнее по запаху, втягивая носом затхлый воздух. Метров через пятьдесят коридор расширяется — и передо мной целая галерея. Размером с тронный зал. По обеим стенам торчат металлические штыри, увитые узором из тонкой проволоки. А на штырях... На каждом висит гоблин. Насаженный через грудь. Разной степени свежести...

Могильник?

Морг?

Капище их бога?

Вот чем пахло — кровью...

Мысли путались. Я прошел галерею до конца. Кроме штырей и трупов — ничего. Ни идолов, ни статуй. Что за чертовщина? На кой им хранить мертвецов в таком виде?

А ведь это похоже на...

Как историк я знал много похоронных обрядов.

Кто-то закапывал умерших в землю, возвращая природе. Другие сжигали, чтоб освободить душу от тела. В горах покойников оставляли на съедение зверям и птицам, замыкая круг сансары.

Здесь ничего из этого не подходило.

Можно укрыться и понаблюдать. Я осмотрелся: наверху зала шли что-то вроде балкончиков. Выход нашелся быстро — из правого коридора, сразу за стеной, поднимались ступени. Спрятавшись, я уткнулся в карту.

Вскоре всплыли три точки. Шли к галерее. Я осторожно выглянул из-за ограждения — обзор отличный.

Со стороны главного входа показались трое. Двое здоровые, почти с человека: широкие в плечах, с заметным брюхом. Похоже, в прошлом тренированные бойцы, а теперь отъевшиеся и обленившиеся. Они волокли тщедушного гоблина — тот упирался и верещал, что было сил.

Либо у них перенаселение, либо это казнь, причем позорная. Тощий пытался напороться на нож здоровяка — лишь бы не на штырь. Похоже, для него и смерть от своей руки

была спасением...

Подтащив задохлика к свободному крюку, конвоиры с двух сторон подхватили его за подмышки и с размаху насадили на штырь. Бедолага взвизгнул и обмяк, тело сотрясла судорога, но и она скоро закончилась. Конвоиры равнодушно посмотрели на него и спокойно пошли к выходу.

Та-а-а-а-а-ак, что – то нарисовывается. Это точно не место захоронения. Но и капище для жертвоприношений вряд ли. Слишком сильно сопротивлялся тощий, много ужаса было в глазах.

Проклятое место? Магическое?

Еще раз посмотрел через карту. Нет. Ничего не вижу.

Может, просто считают тут все проклятым? В любом случае это интересно.

Проверим реакцию публики на фокус с исчезновением.

Спустившись, я осмотрел ближайшие комнаты. Одна пошла: просторная, с окнами в пропасть. То что надо. Я вернулся в галерею и принялся снимать казненных со штырей и стаскивать в комнату. Занятие так себе. Старые тела хлопот не доставляли, свежие тоже. А вот полуразложившиеся...

Фу, хорошо желудок крепкий.

Перетаскал всех, выкинул в пропасть через окно.

«Милосердия к зеленым уродцам еще не хватало. Ты типа их души спас?», —внутренний голос заворчал.

«Так ведь не ради их блага все затеяно. Изучение — вот главный смысл».

Отряхнув руки, думаю, чем выветрить запах мертвечины с одежды.

Но пока никак, пора на балкончик, очередной бедолага на подходе.

Конвоиры вошли, таща очередную жертву, на мир вокруг ноль внимания. Протащили четверть зала — и встали.

Я даже с расстояния увидел, как их перекосило.

Они уставились на голые стены, будто узрели невозможное. Один отпустил руку пленника. За ним второй. Схватились за головы. Пасти распахнулись и кажется, даже слюна потекла.

Раздался крик, переходящий в лютейший ультразвуковой визг.

Нихрена они переполошились!

Приговоренный тоже заорал и воспользовался растерянностью конвоиров. Быстро опустился на колени, схватил за ножны одного из бугаев, они были сломаны и кончик клинка торчал.

Резкое движение, пленник чиркнул себе по горлу.

Кровь начала бить фонтаном из перерезанной артерии. Труп свалился на пол как сломанная кукла.

Конвоиры ошалели еще больше и, продолжая визжать, побежали из галереи.

Похоже, это место для гоблинов сакральное. И думаю я, умерщвляют тут не только тело — для них здесь гибнет душа. Умереть здесь — кануть в небытие. Хотя откуда у гобли-

нов понятия души, что-то я увлекся философией.

В любом случае — для них это страшная, позорная смерть. Удобный способ держать в узде первобытное племя.

Ну что ж, сейчас будет еще один фокус, в лучших традициях профессионалов.

Должен успеть.

Быстрым шагом иду по коридору. На карте — точка: гоблин за вторым поворотом. Стоит, не двигается.

Почти не таясь, шагаю ближе, выглядываю оценить обстановку. Похоже, страж — торчит у двери.

ЖЕЛЕЗНОЙ.

Таких я еще не видел. Дверь приоткрыта, зеленый половиной корпуса ее перекрывает. На носочках подбираюсь.

Блин, из – за двери не достать.

Да и к чему усложнять! Бью прямо в дверь — та сносит стража с места, тело по инерции впечатывается в стену и сползает на пол.

Спасибо тебе, чувак. Дверь почти без звука встала обратно. Наклоняюсь к гоблину — жив, но в отключке.

Сложно ли убить того, кто без сознания? С человеком — даже подло. Но эти не люди. Эти твари сами режут людей.

Свернул шею и потащил труп в галерею. Там поднял его и насадил на штырь. А теперь снова на балкончик.

Что началось!

Зеленых набежало сотни две, а то и больше. Простые — в обносках, кто в чем: драные шкуры, мотки тряпья, у кого-то

одна набедренная повязка. Кто рангом повыше — заметны сразу: на одних грубая кожаная броня с нашивками, на других темные плащи, явно снятые с кого покрупнее и перешитые. Одни орали, другие еще и плевались.

Когда увидели мой подарочек, самый представительный — в плаще, в ожерелье из зубов, с массивной дубиной на поясе — разбираться не стал. Сорвал дубину и кинулся лупить конвоиров. Те хоть и здоровенные, а не отбивались. Только прикрывались руками, да обиженно верещали.

Ага, их считают виноватыми, не того наткнули. Казнить, нельзя помиловать! Трындец им походу.

Я знатно повеселился, пока гоблины не стали разбредать-

ся по комнатам в поиске пропавших тел.

Жованый крот, так могут и меня обнаружить, с таким количеством мне не совладать, силы пока не хватит.

Стоп.

Силы.

Сейчас и надо добывать силу.

Уродцы растеряны, нападения не ждут. Большинство без оружия, а кто с оружием — спокоен: тут все обжито, чужаков отродясь не бывало.

«Ну, понеслись», — сказали куры и поднатужились.

Выбрал две ближайшие точки, тихо спустился с балкончика и, поглядывая по сторонам, двинул к ним. Прибавил шаг, почти перешел на бег — в моем положении скорость решает все.

Когда я научился бесшумно передвигаться?

Оружия при них нет. Разгоняюсь и, пока не обернулись, прыгаю — руками разом обхватываю обе шеи. Давлю что есть мочи. Хрусть. Минус два.

Бегом дальше.

На карте точка в комнате — влетаю не думая, с ноги впечатываю зеленого в стену, и пока тот не очухался, добиваю в голову.

Снова в карту. Три точки идут ко мне — решаю дождаться. Труп отгаскиваю в сторону от прохода, чтоб не маячил.

Приближаются. Стою, жду. Надо заманить их в комнату: подадут сигнал тревоги — мне конец.

Пересадила труп к противоположной стене. Начал потихоньку верещать, подражая гоблинам. Троица услышала и завернула в полном составе в комнату.

Я, как заправский ассасин, возник у них за спиной. Свернул шею ближайшему; пока тело падало, ударом ноги отправил второго в нокаут, третьего взял на удушающий — держал, пока не обмяк.

Второй зашевелился — да времени нет. Уходить, пока не обнаружили. Ударом ботинка ломаю ему гортань и ухожу.

Ох и везет мне сегодня.

Небольшая передышка. Стою в конце коридора, гляжу в окно соседней комнаты — за ним обрыв и скалы. На карте снова одинокая точка. Пара минут ходьбы до меня.

Есть мысль.

Кладу на окно обломки досок крест-накрест — приманка для зеленого, а сам ухожу в комнату напротив. Гоблин что-то заверещал; выглядываю — стоит у досок. Разбегаюсь, хватаюсь за перекладину над дверью и ударом с двух ног отправляю его в окно.

Забегался знатно, по моим подсчетам часов за пять я завалил гоблинов двадцать, а то и больше. В горячке боя не всех запомнил.

Решил заглянуть в галерею — посмотреть, как там дела. Судя по карте, никого не осталось, только две точки маячили на входе.

Неужели конвоиры? Этих одолеть будет сложно. Но по-

пробовать стоит.

Сбавив шаг перед поворотом, ступаю неслышно, чтоб не выдать себя.

Эх, мне бы зеркальце. Высунул бы из-за угла, не подставляя башку. Пришлось присесть и выглянуть осторожно, держа голову ниже их глаз.

Фух, не конвоиры. Обычные рядовые: стоят, болтают, ко мне влобопота. По-тихому не подобраться — заметят, едва выйду.

Пора включать армейскую смекалку.

Беру с пола осколок камня, кидаю в стену. Камень с громким стуком скачет по полу и затихает в отдалении.

Точки на карте дрогнули. Слышу удивленное верещание. Идут ко мне.

Снова ставка на внезапность.

Замер за углом — и едва шаги приблизились на расстояние удара, врезал ногой почти над самым полом.

Первый гоблин, не ждавший подсечки, рухнул лицом вперед — да так, что кровь брызнула из-под головы веером.

— Не жилец, — констатировал я.

Второй не успел опомниться, как поймал кулаком в нижнюю челюсть. Бил я из приседа, выталкивая телом, вкручивая кулак. Хрустнуло громче, чем давеча камень.

Глаза уродца начали закатываться.

Ноги его оторвались от пола, и он, сделав ласточку, приземлился в паре метров — гулко брякнулся затылком.

Вот это я разошелся!

Двигаюсь на автомате — не думая, четко и результативно.

Прихватив трупы за ноги, поволок в галерею. На самом входе уже висели конвоиры.

Нда. Тут, я смотрю, оплошностей не прощают.

Пристроил рядом свою добычу и, довольный работой, отправился к себе.

Усталость была, но несильная. Хотя побегать пришлось изрядно.

Странное дело: после стольких убитых гоблинов я должен бы валиться с ног, а чувствовал себя нормально. Даже, можно сказать, был полон сил.

Как рассчитать этот Коэффициент Полезного Действия? Сколько нужно убить тварей, чтобы прокачать себя на всю сотку?

Убивать их все равно придется: как Хранитель, я должен очистить замок. Заодно и прокачаюсь — нехило выйдет, гоблинов тут пропасть.

Голод нарастал: заряженный магией, от калорий мой организм не отказывался.

На улице разошелся дождь, стемнело. Слышно было, как капли стучат по трубе дымохода.

«Хорошо, что комната без окон», — думал я о комфорте.

«Без окон, без дверей, полон замок лебедей, — внутренний голос тут как тут. — Ты, надеюсь, не будешь доедать мясо этой прекрасной птицы?»

«А куда деваться? Хоть этот «лебедь» и смахивает на птеродактиля, жрать что-то надо», — парировал я.

«Лучше б грибов местных поел, веселей было бы», — буркнул голос и замолк.

Я жевал мясо и привычно сверялся с картой. И тут на ней всплыла странная точка — ярко-зеленая, ярче, чем у прочих.

Как светлячок.

Хм... Странно.

Похожим образом, кстати, сиял и амулет. А что, если это магия?

Приближается быстро...

Достойный противник?

Отложив кусок, я отправился проверить.

Нашел его в коридоре. Гоблин двигался быстро, но плавно — не то что остальные увальни. Каждое движение выверено, отточено. Чувствовалась выучка.

Наемный убийца? Отправили на мои поиски?

Что делать? Свалить? Или рискнуть?

Копья у зеленого не было — только пояс с двумя ножами. Вроде и не оружие ни хрена, а движения выдавали уверенного бойца.

А-а-а, напасть или нет? Противоречие разрывало изнутри.

Мышки плакали, кололись, но продолжали жрать кактус. Прослежу за ним — решил я окончательно.

Мы петляли по коридорам: гоблин впереди, занятый сво-

ими делами, я — следом, весь внимание.

Он заходил в комнаты — то ли бродил, то ли искал чего, не понять. Минут двадцать мы петляли, пока он не нырнул в последнюю каморку, метра два на два.

Вот оно. Пора.

Заскакиваю в каморку — зеленый резко оборачивается. Можно ли сказать, что гоблины умеют ухмыляться?

Выхватывает оба ножа.

Толку-то — тут не развернуться.

Не испугался — верит, что одолеет. Движения текучие; я бью копьем — уходит. Нельзя давать ему простора, иначе прирежет: скорость у него зверская. Копье мелькает, как пневмомолот, а зеленый уворачивается.

Кажется, он пытается применить против меня магию. Будто ветер обступает со всех сторон — да теснота мешает.

Сколько мы так протянем? Кто первый выдохнется?

Уродец жмет на артефакт.

Активировал кнопку тревоги?

Раз магии я не чувствую — видимо, да.

Пора заканчивать.

Зеленый, видимо, похожего мнения.

Он, как Джеки Чан, прыгает на стену, отталкивается на противоположную, делает вид, будто хочет проскочить мимо. И в последний миг — прямо на меня, с гортанным воплем.

Раньше я бы такого не углядел — а теперь все чувства

обострились, реакция взлетела. Наверное, апгрейд прошел.

Копьем его не достать — тесно.

Одним движением срываю с пояса булаву и снизу коротко бью в челюсть. Дробит кость, и булава уходит едва не до середины черепа.

Осматриваю труп. В глаза бросается татуировка на плече. Раньше ни у одного такой не видел — явно отличительный знак.

Три копыя остриями вверх и кольцо. Запомню.

Забрал ножи. Дрянь, конечно, только хлеб резать, но пригодятся.

Слышу топот по коридору.

Помощь зеленому на подходе. Надо встречать.

Выскакиваю навстречу — гоблины аж охренели: человек на свободе, не на арене и не в плену.

Хоть ножи и не метательные, профессионализм выручает — летят точно в цель. Не то что копыя.

Первому нож впивается в горло, пробивает насквозь. Второму входит в грудь, в самое сердце.

Только выдернул ножи — снова бегут. Встречаю так же, броском. Минус четыре.

На карте три точки. Жованный крот, сейчас не справлюсь.

Быстро оттаскиваю трупы на стену, сбрасываю вниз. Только не в пропасть — во внутренний двор.

Подарочек вам, уроды, получите, распишитесь, сидите и улыбайтесь.

Возвращаюсь к себе. На камине — недоеденная птичка. Холодный птеродактиль даже вкуснее. Отрываю кусок, жую, на автомате гляжу в карту — и понимаю, что вижу целое крыло замка.

Карта увеличилась!

Вот это огонь!

Будто камень с души. Не зря я сегодня проредил гоблинов — да и за магика, похоже, прилетел самый жирный бонус.

Впрочем, неважно. Главное — результат!

Я стал сильнее!

Только живот все урчит, а мясо вышло. Да уж, брюхо старого добра не помнит. Надо что-то решать. Птиц в замке негусто, и сыт ими не будешь.

Где потом брать еду?

Может, забирать у гоблинов? Надо выяснить, что за мясо они жрут.

Дел дохрена. Завтра снова в путь — исследовать замок. Найти вторую кузню, осмотреть окрестности моих владений.

Сегодня был отличный день.

Пусть завтрашний будет не хуже.

Глава 7

Сон навалился, как пьяненькая бухгалтерша на корпоративе. Оставляя после себя легкий запах лаванды и коньяка.

Странный сон. Вижу себя у королевского трона, на полу в вазах цветы. На спинке два льва. Как живые. Передними лапами упираются друг в друга, задрав головы кверху. Над ними скрещены полутораручный меч и жезл.

«Они жезлами бились что ли?»

«Ну или магией. Такой простой ответ — явно не для такой умной головы», — да здравствует внутренний голос.

«Это символы власти. Сила физическая и магическая в одних руках».

«Спасибо, капитан очевидность. Их главный явно был не простой парняга», — внутренний голос смолк.

На стенах гобелены. Разных цветов — от ярко-красных до блекло-серых.

Один особо привлек внимание.

Маленький зеленый человек воздел руки к небу, склонившись на колено.

Да это же гоблин!

Охренеть!

Они тут что, в мире и спокойствии все жили?

В тронный зал вошли две женщины. На обеих одинаковые серые платья, поперх — то ли фартук, то ли передник.

Это, наверное, обслуга.

Я дернулся в сторону, и только сейчас понял, что они меня не видят.

ТЬфу, блин, я же во сне.

И тут до меня дошло...

Я же в своем замке!

И не в своем одновременно. В реальности это убитое временем сооружение, а во сне — обжитый, цветущий, красивый дом.

Служанки прошли мимо меня и скрылись в дверях за тронным залом.

Я вышел в коридор.

В каждой комнате дверь с коваными ручками. Навстречу попадались люди, но меня не замечали. В одной из комнат человек склонился над столом. Одет странно: черный халат, шапочка. Пером старательно выводил знаки на бумаге.

Я подошел ближе.

Палка, палка, огуречик — получился человечек.

Рассмотреть — рассмотрел, но узнавания ноль. Совершенно незнакомый язык.

Ну и хрен с ним, пусть пишет.

Так, рядом этажерка с книгами. Бегло осмотрев корешки, я остановился на открытой.

Все страницы исписаны странными знаками вперемежку с цифрами. Владиславовича не хватает — это хирург мой знакомый, тот бы точно разобрался.

Цифр много. Экономика какая-то.

Не интересно.

За этажеркой блеснуло. Меч. О, это по моему профилю.

Лезвие слегка матовое, узор стали переплетался волнами.

Дамаск. Причем крученный.

Хм, а неплохие у них мастера были.

Рукоять из кости. На ней вырезана лоза, уходящая к навершию. Работа кузнеца на сотку из десяти.

Точно. Я же хотел найти кузницу.

Стоило подумать об этом, как все заволочло туманом, воздух сгустился. Будто кто-то сжал мои внутренности в огромный кулак и резко дернул вверх.

Я аж застонал. Охренеть, как неприятно.

Эта рука потащила меня в сторону. Мелькали комнаты, люди, потом все слилось в одну сплошную разноцветную полосу, как жопа у попугая.

Меня тащило вниз.

Тошнота подкатила к горлу.

Хорошо, что ничего не жрал, только и успел подумать, как картинка резко остановилась.

Где я?

Тусклый свет. Помещение большое. Печь, сложенная из крупных камней, подкопченная у самого устья. Рядом — горка угля, крупные куски отливают кромешной чернотой.

Охренеть! Я еще и в пространстве путешествовать могу?

Типа щелкнул пальцами и телепортировался.

Да нет, это по - любому сон, но такой реалистичный...

Я в подвале, в кузнице. У ноги кирка — дробить уголь. Печь здоровенная, можно разогреть заготовку хоть на двухручный меч. Меха с хороший эмалированный таз, но сильно изношены.

Жаль, не раздуть: во сне я как призрак — ни потрогать, ни ощутить.

Наковальня с конскую голову, на ней средний молот — вытягивать металл.

А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Просто слюни текут от таких инструментов!

Как захотелось разжечь горн, кинуть в угли заготовку, щипцами вытащить в тот момент, когда станет ярко малинового цвета, переложить на наковальню... Занести молот...

Желание поработать накрыло меня. Ну ничего, руки еще дойдут.

Сверившись с картой, запомнил дорогу к кузнице.

Мне стало не по себе, начало потряхивать, дрожь как в сильный мороз.

Такое разве бывает? Хотя тут все возможно.

Пора двигать дальше. А вот тут незадача. Сунулся в дверь — и так приложился лбом, что, не будь это сон, глаза бы выкатились.

Твою дивизию!

Мне теперь и выхода нет?

Арген мне только воспоминания одолжил, а через стены

ходить не научил?

«И что делать?»

«Муравью болт приделать», — внутренний голос был полон ехидства.

«Как выйти-то отсюда?»

«Явно не через дверь», — продолжает издеваться.

«Критикуешь — предлагай», — я начал злиться.

«А если ты тут насовсем? Как призрак мага-хранителя?» — сказал и свалил в недра сознания.

Об этом я не подумал.

А если маг меня кинул? Конечно, надо доверять людям, но тут призрак. Хотя и люди предают с завидным постоянством.

Как говорил мой дед: «Своей заднице-то доверять нельзя, а тут чужие люди».

Что же делать? Сидеть до скончания веков? Или пока мое физическое тело не умрет?

Может проснуться? Так не просыпается...

Надо придумать, где добывать еду. Блин, вот бы мне склад тушенки, как в армейке. Только она за это время в сюрстремминг превратилась бы.

Может, что-то есть на кухне?

Раз и внутренности снова сжала невидимая рука. Дернула вверх и потащила по коридорам.

Хлоп.

Я стою на кухне. Две кухарки готовят еду. Меня зашатало,

ноги подкосились, и я по инерции оперся на край горячей плиты — да провалился мимо.

Жованый крот! Здесь я не материален.

На лбу выступил холодный пот. Почему так хреново? Стер рукой — липкое что-то. Посмотрел и похолодел: на руке кровь.

Мда, такие перемещения меня прикончат. И так еле стою на ногах. Мяса бы мне, половину кудрявого и блеющего. Кухня хороша, да без припасов. Должно быть еще место для хранения еды.

Подумал и все внутри опять сжалось.

Нет!

Стоп!

Еще один перенос не переживу.

Фух, отпустило. Чуть до инфаркта не дошел. Глаз задергался как у невротика.

Вспышка.

Поднимаю веки. О, потолок моей комнаты. Походу, вырвался из сна.

С трудом сел. Ощущение, что меня всю ночь пинала рота солдат, не прерываясь даже на ужин.

Так плохо мне еще не было.

Глянул на карту.

Только соберешься разбогатеть, то носки порвутся, то трусы...

На сколько хватало карты, по всему крылу расположились

гоблины. Вольготно. Половина спала по комнатам, половина занималась делами насущными.

Зашибись! Соседи подъехали. Они походу тут на ПМЖ заселились.

Надо завалить парочку и поправить здоровье, заодно и комнату можно подыскать.

Всмотрелся в карту.

Из моей комнатухи вели тайные ходы — значит, и у нужной комнаты должна быть скрытая дверца. Таких несколько. Три не подошли: рядом друг с другом, а в моем состоянии со всеми разом не справлюсь. Две отпали из-за размера. Осталась одна — большая и от соседних далеко. Туда мне и дорога.

Пробравшись в потайной ход, я быстро дошел до нужной двери. Два гоблина в комнате спали, еще двое скребли накопечниками копий по камню, пытаясь наточить. Рядом с дверью, внизу, — рычаг.

Все гениальное просто.

Взяв в руки по клинку, ногой нажал на рычаг. Заскрипит — мне звездац. На удивление, створка отъехала почти без звука.

Пошатываясь, я ввалился в комнату. С ходу послал клинки в цель. Один нож вошел уродцу в шею, пробил гортань, вышел с другой стороны. Кровь брызнула на накидку. Гоблин завалился набок.

А со вторым вышла лажа.

Нож пошел чуть выше, щелкнул зеленого по затылку, рассек кожу и, отскочив, брякнул об пол в углу. Тот обернулся, выпучив на меня глаза, — и, пока он не заорал, я подскочил и швырнул его в окно.

Точней, планировал швырнуть.

Не мой сегодня день...

Я, запнувшись, швырнул не в окно, а об стену.

Ну да ладно...

Некогда оборачиваться.

Падая, в полете выхватываю из-за пояса булаву, по инерции приземляюсь между спящих. Поднимаюсь на колени и резко опускаю оружие на голову левому.

Хлюп.

Голова разлетается, как спелый арбуз. Нельзя терять время. Сразу бью второму, чуть повернув корпус вправо.

Хрусть.

Проломил гортань. Минус два.

И тут гоблин за спиной заверещал.

Звук такой резкий, что захотелось зажать голову руками.

Аж по нервам бьет.

Всех поднимет в округе.

Не глядя выбрасываю руку с булавой назад, разжимаю пальцы на середине броска. Булава вылетает, как снаряд, впечатывает зеленого в стену, ломая грудную клетку. Подскакиваю — до уродца два шага. Заношу ногу и четким ударом в челюсть добиваю.

Смотрю на карту.

Гоблины двинулись в мою сторону. Пора делать ноги. На полу валяются копыя — закидываю, не глядя, в проход. Сумки туда же. Один из уродцев спал на матрасе — выдергиваю из-под трупа, отправляю вслед за сумками. Пригодится: матрас как раз человеку впору.

Зеленые все ближе, слышу верещание. Заскакиваю в проход, дергаю рычаг.

Главное — не шуметь, иначе услышат. Замер за дверью, дышу через раз, пытаюсь отдышаться после схватки.

Вижу на карте, как они мечутся по комнате. Кровь с клинков обтер, учуять не должны, окровавленный матрас закинул подальше. И тут мне в нос попадает паутина.

Твою налево.

Свербить начинает так, что нет сил сдерживаться. Зажимаю нос пальцами, пытаюсь дышать ртом.

Да свалите уже, сил нет терпеть.

Те словно услышали. Гомон стих, пошли искать убийцу.

О-о-о-о, теперь можно и чихнуть. Жахнул так, что со стены паутину сдуло метров на пять. Еще б чуток — и гоблины со страху замертво попадали бы.

«А че, неплохо — одним чихом завалил бы десяток», — внутренний голос не упустил момента.

«Не до тебя, надо добро перенести», — осадил я его.

Нахватал, в принципе, немного. Перенес все в комнату за две ходки. Не успел осмотреть и разложить — на карте у са-

мой берлоги появился еще один зеленый. Убирать надо сразу.

Встал чуть ближе к стене, левую ногу чуть вперед, чтобы перенести вес на опорную правую. Нож в руке. Отвожу назад. Как на тренировке.

Я заверещал, подражая их языку. Когда голова гоблина показалась из дверного проема, с удивлением рассматривая коридор, метнул нож.

Клинок вошел четко в глазницу, уродец даже хрюкнуть не успел. Сразу свалился на пол.

Пока шел к нему, успел подумать: «Морда такая удивленная — может, я его на хрен послал? Надо запомнить сочетание звуков, хорошо работает».

Вытащил нож, вытер о подобие рубахи на трупе. Вообще одежда у них походила на одеяния древних римлян — отдаленно напоминала тогу, обернутую вокруг тела.

На карте впереди показалась группа из пяти точек. Этим точно не успею взять на нож в ближнем бою.

С собой у меня было два клинка и два наконечника копья. Не хватает.

Поднял копье, что лежало рядом с убитым. Упер острием в пол и резко наступил ногой. Хрустнуло, наконечник остался лежать отдельно.

Права на ошибку нет.

Двинулся навстречу группе. Подойдут на бросок - атакую. Когда осталось шагов двадцать, вышел из-за поворота и

метнул ножи.

Наконечники точно поразили цель.

Первому пробило грудь, второму проломило череп. Третий не успел раскрыть рот, как тяжелый наконечник, словно клюв хищной птицы, выглянул из затылка.

Тело первого не успело коснуться пола, как задние бросились бежать. Одному клинок вошел точно между лопаток, он споткнулся и рухнул, подняв тучу пыли.

Последний убежал со всех ног.

Клинок на излете воткнулся в правую лопатку, но гоблин даже не притормозил. Так и скрылся в конце коридора с ножом в теле.

Ушел зараза. Может сдохнет по дороге к своим?

Хотя ладно — увидеть он меня точно не успел. Бежал так, что пятки к спине прилипали. Нож, конечно, жалко, но тут уж ничего не поделаешь.

А ведь нож-то гоблинский!

Значит, искать они будут гоблина. Мне это на руку. Считай, свезло.

На обратном пути, заскочил в птичью комнату. На этот раз повезло больше, и в берлогу я вернулся с двумя «лебедями» на ужин.

«Что теперь, всю жизнь так будет? — размышлял я, пока готовил мясо. — Надо позаботиться о себе».

В спину повеяло холодом. Рука на автомате выхватила нож и выбросила в сторону камина. Рефлексы работают.

Там мерцала фигура человека. Лицо морщинистое, старое. Одет в халат с узором, похожим на млечный путь. Смотрел прямо на меня.

Нож пролетел сквозь него, не причинив вреда, стукнулся рукояткой о стену и отлетел в сторону.

— Ты чего, соскучился? — я подумал, что снова Арген пожаловал.

Вгляделся — нет, не он.

— Ни хрена себе! У вас тут тайные призрачные пути? Или вы ко мне слетаетесь, как мухи на... мед?

Призрак молчал.

Ты тут по делу или как?

Тот кивнул.

«А если нападет? Как я с призраком воевать буду?» — мысли вертелись как карусель.

— Тебе что-то от меня надо?

Он снова кивнул и приложил руку к груди.

— Я должен за тобой повторить?

Ага, снова гривой качнул.

Я приложил руку. Призрак отнял руку от груди и протянул в мою сторону. Повторил за ним. Ничего не произошло.

— Точно так надо?

Опять кивает.

Я повторил жест снова и... Абсолютно ничего. Тупость какая. Но он смотрит и явно чего-то ждет. Еще раз прикладываю руку, направляю в его сторону. Никаких изменений. Я сейчас на болванчика похож, но упорно повторяю. Минут двадцать бесполезных попыток — и призрак исчезает на глазах.

Запах жареного мяса выдернул меня в реальность.

Перекусив, начал разбирать вещи. В сумках нашел интересные камни. Они по виду напоминали малахит. Темно-зеленого цвета, на многих резьба, изображены фигурки и непонятные мне знаки.

Похоже, обереги. Примитивный шаманизм.

Это где же они сокровищницу нашли и разграбили?

На улице загрохотало, хлестнул дождь.

Хорошо, что матрас прихватил. Поудобнее устроившись у камина, я лег подумать о встрече — и не заметил, как провалился в сон.

И снова вижу замок из прошлого. Такие разительные перемены: днем хожу по развалинам, во сне — по прекрасному дворцу.

Все дышало жизнью, сновали люди. Чистота идеальная. Бродил недолго: осмотрел свое крыло и вышел в холл.

Коридоры выходили на огромную каменную лестницу, ступени расширялись книзу, и первая была скорее площадкой — для выступлений перед гостями.

Все залито солнечным светом сквозь огромные витражные окна.

Солнечный луч ослепил меня, и я проснулся.

У камина снова сидел призрак. Внимательно смотрел на меня.

Попытка номер два.

Он приложил руку к груди и направил ее на меня.

«Умные мысли преследовали его, но он всегда оказывался быстрее», — подумалось мне с грустью. Будем познавать на практике.

Я повторил жест. Призрак закивал.

— Тебе нужна моя душа?

Отрицательно мотает головой.

— Сердце?

Нет.

— Моя жизненная сила?

Опять нет. Ну а что тогда?

А, ну тут логика другая должна быть...

— Магическая энергия?

Закивал, соглашаясь.

Та-а-а-ак, будем пробовать. Сделав движений сорок, я ощутил желание остановиться.

— Тебе нужна моя магия, чтобы не исчезнуть?

Мотает головой.

А что призраку надо...

— Ты хочешь перевоплотиться?

Соглашается.

— Иначе без энергии останешься узником замка? То есть призраком?

Кивает.

Ооох, и умный же я стал. Как с дитем малым разговариваю.

Продолжаем.

За этим занятием я не заметил, как прошла ночь. Когда рука уже почти не двигалась, на ладони появился маленький шар.

Ох ты блин!

В груди появилась слабость. Я посмотрел на призрака.

— Не умру хоть?

Нет.

— А, так значит, всю энергию отдать не получится? Правильно?

Кивает.

Шар на руке понемногу увеличивался.

Сегодня я добрый. Направил руку в сторону собеседника. Шар слетает с нее и врезается в силуэт, будто впитываясь. Тот становится ярче, перестает просвечивать.

Призрак резко выбрасывает руку и хватает мою. Не физически — в ментальном плане я чувствую прикосновение.

— Так и надо?

Призрак кивает.

Ага, это он мне в благодарность что-то передает. Я в этом уверен.

Покалывание усиливается, руку начинает жечь.

— Тормози, это уже не смешно.

Не отпускает.

— Аллё, хорош.

Рука как в огне горит.

«Ну все, больше терпеть не могу», — успел подумать я, и призрак пропал.

Охренеть! Что это было?

Осматриваю руку. Кожа красная, будто сгорела на солнце. Но больше никаких повреждений нет.

Ну его в задницу, такие магические практики — без рук можно остаться. Перед глазами замелькали картинки, то ли воспоминания, то ли обрывки знаний, все закружилось — и

я потух.

Очнулся на полу. Отлично: заходи и бери что хочешь. Любой гоблин мог бы глотку перерезать.

Вот это обучение, чуть лапти в угол не поставил.

Прохладно, что там, огонь почти погас. Надо поджечь немного.

Вытянул в его сторону руку и...

Бах!

Из руки вместо искр вылетел небольшой огненный шар.

Ого! Вот это новый левел!

Правда, сил радоваться почти не осталось. Полежу еще чуток.

Я тут мучаюсь, осваиваю новые знания, теряю энергию. А восстанавливаться буду снова убивая гоблинов?

Хотя похрен. Чем я совершеннее, тем быстрее очищу замок.

Глава 8

Уснул и не заметил как. Чертоги памяти, как я их окрестил, снова затянули — только в этот раз, похоже, забросили в другое время.

Все другое.

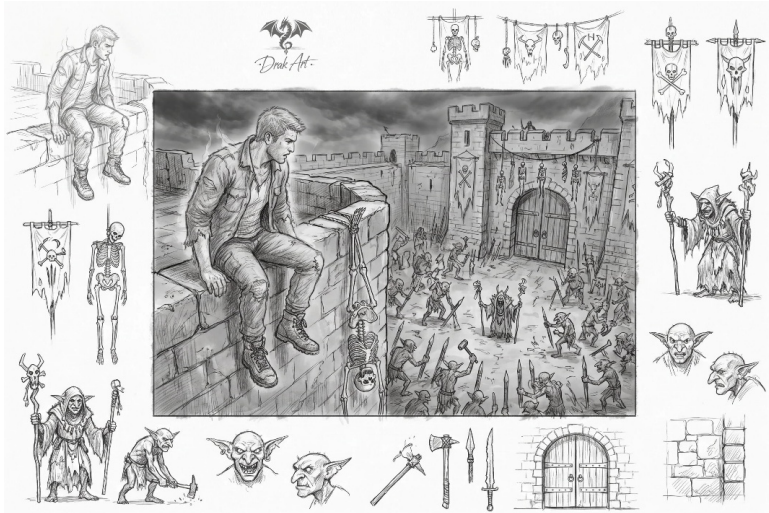
Замок тот же, но ощущение, что прошли годы. Или века...

Сижу на крепостной стене. Ноги свесил, камень холодный даже через штаны. Мимо несутся гоблины, толкают друг друга, орут что-то на своем. Внизу во дворе такая же каша. Зеленые повсюду — будто муравейник разворошили.

Вбивают колья в землю перед воротами. Ряд за рядом, острия торчат наружу. Готовятся к чему-то серьезному.

Подо мной на веревках раскачивается скелет. Человеческий, подвешен за ноги. Череп скалится вниз. Оглядываюсь. Да блин, их тут десятки... Особенно густо над воротами. Развесили, как гирлянды.

Приятное местечко, мда...

Обращаю внимание на самих гоблинов внизу. Среди зеленой толпы мелькают уродцы в цветастых накидках. На шеях ожерелья из костей или зубов, не разберу. В руках посохи. Шаманы? Их немного, может, пять или шесть, но остальные расступаются перед ними.

А двор весь пестрит от стягов. У каждой группы свой, все разные. Ну все понятно: у них тут родо-племенная история, каждый клан под своим знаменем. Сколько же их тут собралось...

Щелчок.

Картинка дергается, будто пленку перемотали, — я не

успел посчитать.

Мотаю головой. Это что там?

На взгорке, метрах в полутораста от ворот, ровные шеренги. Да это же люди... Блеск железа, щиты стеной. Пришли забирать свой замок обратно?

Вот ведь дерьмо. Ощущение такое, будто уснул в начале фильма, а проснулся на кульминации. Кто эти люди, откуда пришли, давно ли гоблины тут засели? Интересно, но njih-рена не понятно.

Люди экипированы лучше. На каждом третьем железный доспех, мечи в руках, многие лупят клинками по щитам. Гул стоит, как от поезда. Боевой дух поднимают, ясно-понятно.

У зеленых копья и луки. Зато они за стенами, а это существенное преимущество.

Щелчок.

Перемотка.

Рев сотен глоток бьет по ушам. Первая шеренга качнулась и покатила вниз по склону. Люди пошли на приступ.

Только не перематывай....

Щелчок. Да блин!

Гоблины не дают нападающим прорваться на стену. Копьями тычут между зубцами, попадают наконечниками в щели между доспехами. Люди падают, внизу под стеной растет куча тел. Но все равно лезут по лестницам, напирают — а зеленые скидывают их обратно.

Ворота трещат и стонут от навалившихся снаружи. Опор-

ный брус с хрустом проламывается, и во двор вваливается людская масса. Первые напарываются на колья, повисают, хрипят. По их телам лезут следующие. Те, кому повезло, уже всю рубят зеленых.

Я не выдержал и вскочил.

Так и хотелось крикнуть: «Давай, мочите их!»

Со стороны людей в гоблинов летит огненный шар размером с бочку. Врезается в толпу во дворе. Не разбирая, где свои, где чужие, прокладывает широкую дымящуюся просеку. Тела разлетаются, обугленные на лету.

Паленым мясом бьет в нос так, что желудок подпрыгивает к горлу.

Еще один летит. И еще.

Маги людей работают с взгорка не останавливаясь. Запах забивается в ноздри, оседает на зубах.

Щелчок.

На стене люди рубят гоблинов, рвутся к лестницам, ведущим во двор. Видно, как ноги скользят в крови, раненые стонут, хватаются за проходящих.

Шаманы гоблинов крутят посохами над головой. Воздух вокруг них дрожит, как над раскаленным асфальтом. Но похоже, не помогает. Огненные шары чуть сбиваются, уходят в сторону, но не гаснут. Не хватает сил у зеленых магов. Слишком много огня.

Щелчок.

Я сжал кулаки до хруста.

Все кончено. Зеленых не осталось. Трупы обеих рас лежат вперемешку сплошным ковром, а кое-где горами. Двор залит кровью так, что она стоит лужами.

Люди победили. Если это можно назвать победой... Живых осталось человек тридцать. Стоят вон, качаются от усталости. Озираются, но я даже отсюда вижу: глаза у них пустые. Они взяли замок, да какой в этом смысл... Их слишком мало, чтобы его удержать.

Опустив головы, победители уходят прочь. Бросают то, за что заплатили сотнями жизней.

С неба срывается молния и бьет в стену рядом со мной. Белые змейки расплзаются по камню, раскат грома рвет перепонки.

Открываю
глаза и морщусь.

Еще вспышка. Но эта другая, настоящая.

На улице гроза, конкретная. Стены моей комнаты сотрясаются от грома. Молния во сне и молния наяву — надо же, как совпало.

Лежу, пялюсь в потолок. Вставать не хочется, да и тело не рвется. Но голова работает.

Какая эпичная битва тут была... Настоящая мясорубка. Охренеть, на такое и смотреть-то страшно, не то, что участвовать. Сотни погибли за эти стены, а живые ушли ни с чем. Замок так и остался ничей. Пока в нем не завелся я.

Скорее всего, Арген не просто вручил мне ключи от зам-

ка, но и историю его показать решил. Кусками, вспышками — будто листает альбом. Интересно, что покажет в следующий раз?

И главное, сегодня невидимая рука не таскала меня за шиворот по коридорам. Я просто наблюдал. Видимо, поэтому чувствую себя нормально, даже хорошо: значит, удалось хоть немного восстановиться, пока спал.

Но энергия требуется. И жрать хочется зверски. На улице еще темно. Ждать рассвета не стал, встал и пошел на охоту.

Сверяясь с картой, быстро шел по коридорам.

Как назло, зеленые куда-то свалили. И тут впереди на карте показался гоблин — спал через три комнаты.

Отлично, то что нужно. Чутка сбавил шаг, чтобы не шуметь. У самого входа остановился, осторожно заглянул. Зеленый спал, свернувшись прямо у порога.

Я вошел, опустился рядом на корточки. Вытянул из-за пояса клинок.

Шу-у-у-ух.

Лезвие проходит между ребер и пронзает сердце. Второй рукой придерживаю тело, пока не проходят предсмертные судороги.

Идем дальше.

Впервые вышел ночью. Замок почти пуст, карта молчала. Мне это на пользу: меньше шансов наткнуться на патруль. В своих силах я не сомневался, но шуметь лишний раз не хотелось.

Прошел почти все крыло. Рядом с коридором — переход в соседнее. У стены стоял гоблин, и по опущенной голове было понятно: спит.

Тихо подкрался к нему.

Нож уже в руке.

Левой зажал ему рот, прижал к себе что было сил — лезвие вошло в тело на всю длину.

Глаза уродца подернулись пеленой, и он обмяк. Усадив тело на пол, чтобы дольше не вызывало подозрений, я в хорошем расположении духа продолжил путь.

Тут я еще не был. Это крыло похоже на мое.

На краю карты показались две точки.

Зеленые стояли по обе стороны двери и не двигались. Может, что-то охраняют? Это уже интересно.

Пытаюсь через карту рассмотреть комнату. Ничего. Как краской закрасили.

Что-то важное?

Может людей стерегут?

Если так, надо попробовать освободить. Наречия их не знаю, но мы же люди — сто пудов найдем общий язык.

Чтобы не успели поднять тревогу, гасить надо быстро. И желательно сразу обоих.

Думай, Дениска, думай.

Идея пришла быстро. Гоблины стояли на открытом месте — незаметно не подойти. Значит, надо быстро.

Прикинул расстояние.

Зажал нож в правой руке, для надежности примотал веревкой. Набрал разгон, ступая с носка — так меньше шума.

Видимо, спят, убудки: на меня не реагируют.

Последние два метра стелюсь над полом.

Врезаюсь в первого, хватаю свободной рукой. Вместе летим на второго. Подминаю обоих под себя и всаживаю нож в каждого. Не издав ни звука, гоблины умирают, прижатые к полу моим телом.

Поднявшись, я присвистнул.

Вот так дверь!

Очень плотное дерево, оббито железом по всему периметру.

Явно приперли откуда-то. По проему не совпадает — снизу видна большая щель.

О, да тут встроенный замок, не навесной!

Я был очень удивлен.

Чтобы открыть, не повредив механизм, пришлось обшарить карманы и сумки убитых стражей. Ключ нашелся у одного из них. Распахнул дверь.

Ну и вонища!

Желудок уперся в гортань. Кисло-сладкий запах гниения.

Неужели трупы?

В свете факелов вижу развешанные травы, на полках сушеные грибы, еще какая-то хрень.

Так, Денис, мусор после себя не оставляем. Ты тут Хранитель — тебе и флаг в руки. Ну или швабру.

Я выбрал другой способ очистки от скверны: решил жакнуть файерболом.

Вспыхнуло мощно.

Я отшатнулся от жара. Пару минут понаблюдал. Хорошо горит, красиво. Но пора уходить.

Дверь, пожалуй, заберу с собой. Вещь в хозяйстве нужная. Беру за низ руками и пытаюсь снять.

Ага, меха мне на воротник, — сразу не поддалась. Напрягся еще. Поскрипывая, стала слезать с петель.

Фух, пока уродцев успокаивал, и то так не устал.

Громоздкая и тяжелая, тащить неудобно. С трудом обхватываю одной рукой и волоку по коридору в сторону берлоги.

Путь прошел без эксцессов. Приходилось постоянно мониторить карту: с дверью в руках я не боец. Оказавшись недалеко от своей комнаты, я понадежнее припрятал ее там, куда гоблины не сунут свои длинные носы.

Может, к птичкам заскочить?

Светало.

Окрыленный предвкушением завтрака из мяса птеродактиля, я не заметил, как дошел до птичника.

Мда, внутри пусто.

«В теплые края рванули», — прорезался внутренний голос.

«Ага. Я уже соскучиться по тебе успел», — согласился я.

«Или рожи твоей довольной испугались», — закончил голос.

Опять это ехидство. Уже пожалел, что ляпнул, не подумав, про «соскучился».

«Че делать-то? Духом одним сыт не будешь».

«Тебе как маленькому растолковывать. Птицы сидят где?» — внутренний голос усмехнулся.

«Где-где — в гнезде», — я тоже умел острить.

«Ну вот, там и посмотри».

«Точно!» — я хлопнул себя по лбу. — «Яйца!»

«Молодец! Возьми с полки пирожок. Их два, твой средний».

«Да ну тебя в баню», — ответил я, уже шаря по комнате в поисках гнезда. Оно нашлось в самом углу, под ворохом перьев.

Четыре штуки. Хороший улов. Теперь домой.

Первым делом надо их на чем-то приготовить. Сковородки-то нет. Отломал от стены большой кусок камня, перевернул плоской стороной вверх, поставил в середину камина. Огонь разжигал файерболом — заодно и тренировался.

Чем больше концентрировался на внутренней энергии, тем больше огненный шар.

Костер полыхал вовсю. Камень прогрелся быстро — я расколол яйца прямо на него.

Привалился спиной к стене, заложил руки за голову. Даже улыбнулся чуток.

Твою дивизию!

Как же хорошо... Настоящая яичница.

Ммм, еще бы водички бутилированной и хлебушка свежего, вообще космос.

Ел не торопясь, смакуя каждый кусок.

Кайф!

Почти дожевал, как за спиной возник призрак.

— В рот-компот! Тут у меня проходной двор?

Призрак молчал. Я оглядел его. Штаны да широкая рубаха — больше ничего особенного. Похоже, не маг и не воин. Обычный человек.

— Только сил набрался — а тут нате. Нет, сегодня не могу. Лавочка закрыта.

Призрак кивнул и исчез.

Вот и славно. Мешать никто не будет.

Последний кусок завтрака встал поперек горла.

«Блин, ну не могу я всем нетленным помогать. Мне ведь и самому силы нужны. Тем более добывать приходится с трудом. Еле восстановился после прошлого раза. С этим делом не считаешь — отдашь больше, чем есть, и все. Считай, пропал».

Из внутренних терзаний меня выдернул звук рога.

Давно не слышал его. Заспешил наверх. Наверное, опять людей пригнали, уроды зеленые.

Однако увидел я совсем не людей. Возвращалась целая гоблинская армия.

Навскидку их было дохрена. Больше тысячи, сто процентов. Кто-то хромал, приволакивал ногу. У кого-то рука ви-

села, как плеть. Вид имели сильно потрепанный.

В глаза бросилось одно отличие от местных.

Доспехи.

На многих металлические пластины, закрывающие плечи и грудь. Еще треть была в кожаном доспехе, очень похожем на плотные куртки с костяными нашивками.

Тащили за собой телеги. Около сотни. Намародерили по-ди где-то.

Кулаки сжались так, что костяшки побелели.

Что делать?

Копье кинуть не вариант: с таким доспехом могу вообще никого не убить.

Магия?

Не настолько я прокачался, чтобы завалить разом многих.

В этот момент гоблины обступили телеги и стали снимать брезент. Под ним оказалось много кувшинов и бочек.

Бухло что ли?

Так я тут вина вообще не встречал, да и куда им столько.

А если это мазут или горючка какая?

Надо проверить!

Запульнуть в эти телеги файербол.

Короче, пора в ва-банк.

Сосредоточился на ощущениях. Чем больше концентрируешься — тем больше огненный шар. На ладони появился огонь, постепенно рос. А силы мои стремительно уходили. Когда шар стал размером с волейбольный мяч, я резко запу-

стил его в телеги.

Грохнуло так, что по всему замку со стен осыпалась пыль. Взрывной волной сбило всех гоблинов во дворе.

Урон только живой силе — замок стоял невредимый.

Хорошо бахнуло, думаю много зеленых осталось лежать мертвыми.

Я и сам чуть к ним не присоединился. Сил почти не осталось — рухнул на плиты там, где стоял.

Приходи и бери голыми руками. Не успел даже испугаться беспомощности, как вдруг почувствовал: в тело вливается сила.

Взбодрило, словно под холодный душ попал.

Не надо быть гением, чтобы понять — это жизненная сила гоблинов перешла ко мне. Причем эффект всегда отсроченный. Замедленный.

Довольно бодро поднявшись, глянул вниз.

Ни фига себе!

Уродцы в панике сновали по двору, несколько телег разнесло по запчастям.

Вот это неплохо получилось!

Такими темпами мне тут скоро станет жарко. Ну и отлично. Прадед воевал в Первую мировую, дед партизанил в Великую Отечественную — пора и мне показать, на что способен.

А пока надо сваливать.

Вернувшись, сел у камина, чтобы все обдумать.

Призрак тут как тут. Те же штаны и рубаха.

Может он не уходил? В стене сидел?

— Ладно, в прошлый раз погорячился. Что ты хотел?

Призрак приложил руку к груди, затем протянул в мою сторону.

— Энергия нужна?

Он закивал.

— Хорошо, поделюсь.

Я собрался с силами, сконцентрировался. На руке появилась сгусток энергии. Направил в призрака. Тот впитал ее, качнулся, но остался на месте.

— Мало?

Кивает.

Ладно, дадим еще. Я повторил действие несколько раз.

Призраку, видимо, хватило. Он схватил меня за руку, как и тот, первый, — кожу обожгло сразу, будто прижгли кислотой. Гораздо больнее, чем в прошлый раз.

Так, стоп. А он что, тоже маг?

Жар от прикосновения быстро захватил всю руку — будто в духовку сунул. Мышцы продергивало, как в мясорубке. Я стиснул зубы, зашипел. Рефлекторно дернул руку на себя — куда там...

Все вокруг поплыло и зарябило.

«Хорошо, что гоблины пока не доберутся до моей берлоги», — подумал я перед тем, как меня выщелкнуло из сознания.

Вижу, как применяю какое-то заклинание. Руки перед собой, чуть развел в стороны, снова свел. На аплодисменты похоже. Между ладонями проплыли куски то ли цветного тумана, то ли дыма. Окутали руки. Затем субстанция отделилась и расширилась, стала приобретать очертания человеческой фигуры — пока не превратилась в точную, но зыбкую, как марево, копию меня.

Ого!

Кадр слетел и появился снова. Руки, цветной дым, сгущающийся в фигуру, — теперь уже в птицу-птеродактиля. Опять перемотка. Раз за разом одно и то же. Скорость все росла. И боль долбила в темечко, расходилась по каждому нерву.

Все ускорялось, пока не слилось в один сплошной поток. Адская карусель уже выжигала остатки сознания.

Внутри появлялось знание — выжигалось в мышечной памяти, в каждой клетке тела, хотя никто мне ничего не показывал. Мозги закипали, организм не справлялся с таким объемом. Тысячный повтор одного заклинания.

Я захрипел.

Время ускорилося. Сколько прошло? По ощущениям — вечность.

Боль уже не терзала виски — она быстрой змейкой вертелась в голове, причиняя жесткие страдания.

Снова и снова одно и то же.

В голове били все колокола Александрийского собора, те-

ло не слушалось.

Я проваливался в блаженную пустоту, время наконец-то замедлялось.

Очнулся от стука собственных зубов. Лязгали так, что перекусили бы стальную проволоку. Пот прошибал насквозь, каждая пора открыта. Подкидывало, как в лихорадке.

Чуть не сдох.

Никогда еще знание не давалось мне так тяжело.

Да, я выучил новое заклинание. Но теперь так всегда будет?

Что ж... Такие способности мне ох, как нужны. Придется потерпеть.

Я выдохнул:

— Ладно, призраки и духи. Будете передавать мне магию — буду делиться с вами энергией. Можем заключить договор.

И тут...

Один за другим вокруг меня материализовались призраков десять. Встали полукругом. Посмотрели, кивнули — и снова исчезли.

Сказать, что я охренел, — значит ничего не сказать.

Ощущение, что от меня этого очень ждали.

«В рот-компот! Ну кто тебя просил такими словами бросаться?» — внутренний голос говорил с жалостью.

«Никто. Но теперь уже ничего не поделаешь. Договор есть договор. Буду учиться».

Заклинание, которое я получил, в общем-то простое. Не боевое и кому-то, возможно, бесполезное. Иной бы и расстроился.

Иллюзия.

Всего лишь иллюзия.

Но для человека с фантазией...

Я улыбнулся.

Я же смогу сотворить все, что представлю.

Хотя, скорей всего, тоже придется тренироваться, как с файерболом.

Странно. После этого обучения появилась уверенность в иллюзии.

Будто знание о ней всегда жило во мне, с самого рождения. Ощущение, что я создан для этого мира и его магии.

Может, так и было предопределено?

— А ведь бедолаги эти гоблины. Теперь можно их сводить с ума, реально заставить умирать от одного испуга.

Смешно.

Человек двадцать первого века может многое представить и использовать.

Я уже почти ржал в голос.

Например, создать красивую гоблиншу. И пусть я их в глаза не видел — что-нибудь всегда можно придумать.

И вот идет гоблин, весь такой занятый, на расслабоне. И видит ее. Свою богиню. Естественно, подкатывает.

Фантазия разрасталась.

Говорит ей на своем: «Красавица, вашей маме зять не нужен?» Ну или что-то в этом роде. Зеленые, мне кажется, примерно так и подкатывают. И в этот момент, пока он тупит в грезах, со слюной на подбородке в предвкушении ответа...

На голову уродцу опускается огромный молот и превращает его в мокрое пятно.

Хотя найти огромный молот тут будет посложнее, чем создать гоблиншу, особенно красивую.

Хотя... Нафиг гоблинши. Я придумал кое-что получше.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.